

Историческая библиотека

А. МОРОЗОВА

ВЕЛИКИЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Людмила Морозова

**Великие и неизвестные
женщины Древней Руси**

«Издательство АСТ»

2009

Морозова Л. Е.

Великие и неизвестные женщины Древней Руси /
Л. Е. Морозова — «Издательство АСТ», 2009

Княгиня Ольга-Елена, полоцкая княжна Рогнеда Рогволодовна, византийские принцессы Анна Романовна и Мария Константиновна, немецкая принцесса Ода, монахиня Анна-Янк, императрица Евпраксия-Адельхайда, шведская принцесса Христина, новгородка Любава Дмитриевна... Жизнь этих и многих других выдающихся знатных женщин X—XIII вв. оказала серьезное влияние на формирование и развитие Древнерусского государства в целом. Они также способствовали расширению международных контактов, восприятию на русской почве лучших образцов мировой культуры, в том числе архитектуры, живописи, письменности и прикладного искусства. Имена некоторых из них хорошо известны, другие остались на страницах летописей и почти забыты. Книга адресована широкому кругу читателей.

© Морозова Л. Е., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Предисловие	5
Обзор источников	10
Отечественные памятники	10
Зарубежные источники	15
Глава 1. Женщины древнейшего периода	17
Княгиня Ольга-Елена	18
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Л. Е. Морозова

Великие и неизвестные женщины Древней Руси

Предисловие

Тема данной книги теснейшим образом связана с вопросом о роли женщин в становлении и развитии русской государственности и культуры. Внимание исследователей она привлекла сравнительно недавно, хотя еще в начале XIX в. знаменитый историк Н. М. Карамзин отмечал ее важность и актуальность. Создавая фундаментальный труд по истории государства Российского, он обнаружил в летописях, хронографах, сказаниях и повестях целый ряд сведений о женщинах, оставивших заметный след в своей эпохе. Самого ученого заинтересовала яркая личность новгородской боярыни Марфы Борецкой, поэтому он посвятил ей литературное произведение «Марфа Посадница», основанное на исторических источниках. Своим последователям историк оставил такой наказ: «Написать галерею портретов россиянок, знаменитых в истории или достойных сей участи».¹

¹ Карамзин Н. М. Известие о Марфе-Посаднице // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 12. С. 294–302.

Древнерусское государство X в. Схема

Другой известный историк XIX в. С. М. Соловьев сделал вывод о том, что «в эпоху Средневековья женщины высших слоев общества принимали активное участие в политической жизни княжеств и земель». Они имели собственное имущество, в том числе и целые города, подчинявшуюся им дружину, сами выбирали женихов, участвовали в публичных пирах, а по грамотности и образованности даже превосходили своих мужей.²

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. Т. 3–4. С. 23, 71, 232–238.

Данное мнение полностью разделял еще один дореволюционный историк Н. М. Костомаров. Он даже полагал, что в X—XV вв. новгородские и псковские женщины обладали равными имущественными и политическими правами с мужчинами. Поэтому они были такими же активными членами древнерусского общества, как и их мужья. Этот вывод он доказывал в двухтомном исследовании.³

Вдохновленный известными историками писатель Д. Л. Мордовцев написал несколько книг, посвященных знаменитым россиянкам. Правда, в них художественный вымысел преобладает над исторической правдой.⁴

Если в дореволюционной историографии изредка появлялись книги, посвященные древнерусским женщинам (княгине Ольге, женам Ивана Грозного),⁵ то в советское время данная тема долгое время не разрабатывалась. Ведь писать следовало тогда только о простых женщинах, но о них в исторических источниках практически не было никаких сведений. Только приблизительно с 80-х гг. XX в. стали появляться работы о правовом положении женщин Древней Руси, их роли в семье, в воспитании детей, об уровне их грамотности.⁶ В последнее время вышли в свет несколько научно-популярных книг, в которых предпринята попытка воссоздания реальных образов наиболее известных женщин далекого прошлого.⁷

Сравнительно недавно историк Н. Л. Пушкарева опубликовала библиографический обзор написанных за 200 лет трудов о русских женщинах. В перечень вошли более 1000 книг и статей, но большая их часть относится к новому и новейшему времени.⁸

Главная причина незначительного количества научных исследований, посвященных древнерусским женщинам, заключается в крайней незначительности источников. Так, большой знаток литературы Древней Руси Д. С. Лихачев неоднократно отмечал, что в ранних произведениях отразились очень немногие черты женщин той эпохи: «Древнерусские писатели редко обращали свой взор на дочерей, жен и матерей своих героев. Однако во всех немногих упоминаниях женщина неизменно выступает в обаянии нежной заботливости, проникновенного понимания государственных забот и тревог своих мужей и братьев. Дочь, мать или жена — она всегда помогает своему отцу, сыну или мужу, скорбит о нем, оплакивает его после смерти и никогда не склоняет его при жизни к трусости и самосохранению ценой позора... Любовь к мужу, отцу или сыну не притупляет их любви к родине, ненависти к врагам, уверенности в правоте дела любимого человека».⁹

Малое число источников по ранней «женской истории» привело к тому, что в противовес отечественным исследованиям в зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что женщины привилегированных слоев древнерусского общества были теремными затворницами и в общественной и культурной жизни страны участия не принимали. Наиболее обстоятельно данная точка зрения изложена в трудах женщин-историков К. Клаус, М. Хельман, Э. Доннерт, Д. Аткинсон, Н. Кольман и др.¹⁰

Причина затворничества, по мнению зарубежных ученых, заключалась в желании мужчин оградить своих матерей, сестер, жен и дочерей от всевозможных угроз, в первую очередь,

³ Костомаров Н. М. Северо-русские родоуправства удельно-вечевое уклада. СПб., 1863. Т. 1.

⁴ Мордовцев Д. Л. Русские исторические женщины. Популярные рассказы из русской истории. СПб., 1874. Т. 1–3.

⁵ Русские святые женщины и подвижницы. СПб., 1909; Аристов И. Я. Судьба русской женщины в допетровское время // Заря. 1871. № 3; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц и царевен в XVI—XVII столетиях. М., 1869.

⁶ Шапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10; Медынцева А. А. Грамотность женщин на Руси в XI—XIII вв. по данным эпиграфики // «Слово о полку Игореве» и его время. Л., 1985; Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Она же. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.

⁷ Васецкий Н. Женщины российской короны. М., 1994; Морозова Л. Е. Затворницы. Миф о великих княгинях. М., 2002; Она же. Русские княгини. Женщины и власть. М., 2004; Панова Т. Д. Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005.

⁸ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

⁹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 70.

¹⁰ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Указ. изд. С. 411, 422, 433, 440, 441.

от набегов степняков и ордынцев.¹¹ Однако опасность захвата в плен или убийства подстерегала знатных женщин только в период нашествия Батыя во второй трети XIII в. Позднее, когда сбор дани оказался в руках русских князей, набеги на центральные и северо-западные районы стали достаточно редким явлением, да и угрозу они представляли преимущественно для простых женщин. Поэтому у князей и бояр не было особых причин запираť своих женщин в теремах ни в XIV, ни в XV, ни в XVI вв.

Второй причиной затворничества русских женщин, по мнению тех же зарубежных исследовательниц, было распространение среди русской знати идей византийского аскетизма.¹² Однако возникает вопрос: а были ли эти идеи вообще присущи высшим слоям византийского общества? Источники свидетельствуют о том, что византийская знать, напротив, была склонна к роскоши, помпезности, всевозможным излишествам. Все это перенимали верхи русского общества в киевский период. Позднее, после взятия Константинополя сначала крестоносцами, а потом и турками, авторитет Византии в глазах русского общества существенно упал.

Если предположить, что русская знать заимствовала идеи аскетизма из учения византийской церкви, то и в этом случае появляются недоуменные вопросы. Ведь С. М. Соловьев писал, что церковная организация, заимствованная Русью из Византии, взяла женщин под свое покровительство. Согласно православному учению авторитет матери равен авторитету отца, более того, преступления против женщин рассматривались как богохульство и судились по церковному закону.¹³ Значит, официальная церковь отнюдь не рекомендовала запираť женщин в терема и полностью лишать их самостоятельности.

Еще один аргумент зарубежных исследовательниц в пользу теории «теремного затворничества» состоит в том, что в период укрепления великокняжеской, а потом и царской власти и увеличения могущества боярско-княжеской аристократии женщины остались в стороне от этих процессов и не получили права самостоятельно властвовать, самореализовываться и даже передвигаться без мужского сопровождения.¹⁴

Данный вывод был сделан на основе ряда сочинений XVI в. – «Домостроя» благовещенского протопопа Сильвестра и записок иностранцев о России. Но можно ли считать эти памятники достоверными историческими источниками? Сильвестр выразил свое представление о месте женщин в обществе и семье, иностранцы, с русскими людьми почти не общавшиеся, могли иметь лишь самое поверхностное представление о положении местных женщин. Например, увидев, что знатная особа выезжает по делам в окружении почетной свиты, они могли сделать вывод о том, что та не имела права ездить одна. Также предвзято иностранцы могли расценить наличие в русских домах женской и мужской половин. Это было связано не с изоляцией женщин, а с разделением обязанностей в семье. Женщина занималась воспитанием маленьких детей, обеспечивала всех домочадцев, включая слуг, одеждой, постельным бельем и заботилась об их чистоте. Эти обязанности были у всех женщин, независимо от их социального положения. Но знатные и богатые нанимали слуг, рукодельниц, портномоек, кормилиц, мамок и нянек для детей, а бедные простолюдинки все делали сами. Но в эти женские дела мужья никогда не вмешивались, предоставляя супругам свободу действий.

Создавая свое представление о положении древнерусской женщины, иностранные исследовательницы почему-то проигнорировали такие источники, как: летописные статьи о княгине Ольге, жития женщин-святых, «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о царице Динаре» и многие другие, в которых показаны активные и смелые женщины, способные постоять не только за себя, но и отомстить врагам своих мужей и сыновей.

¹¹ Там же. С. 86–67.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 250–251.

¹⁴ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Указ. изд. С. 71.

Думается, что для окончательного развенчания теории «теремного затворничества» необходимо воссоздать реальные исторические портреты наиболее выдающихся женщин Древней Руси, используя для этого достоверные источники. В их числе могут быть не только письменные памятники, но и вещественные, обнаруженные в ходе археологических раскопок, а также дошедшие до нас дворцы, храмы, иконы, фрески, книги, предметы быта и т. д.

Обзор источников

Отечественные памятники

Сохранилось довольно мало подлинных источников, относящихся к древнейшему периоду Руси. В этом нет ничего удивительного, поскольку за почти десять веков любой предмет подвергается разрушению, включая рукописи и сооружения. Книжники прошлого хорошо это понимали, поэтому для сохранения творений своих предшественников неоднократно их переписывали на новый пергамен или бумагу. Благодаря этому до нас дошли драгоценные свидетельства давно ушедших эпох.

Наиболее важными из письменных источников являются летописи. Древнейшей из дошедших до нас является Лаврентьевская. Из записи на ее единственном списке известно, что в 1377 г. она была переписана с ветхих рукописей монахом нижегородского Печерского монастыря Лаврентием (от его имени летопись и получила свое название). Сделано это было по заказу суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича. Исследователи не знают, где хранилась Лаврентьевская летопись до XVIII в. Обнаружена она была в библиотеке Софийского собора в Новгороде. После этого ее отправили в Синод А. И. Мусину-Пушкину. В XIX в. Лаврентьевская летопись неоднократно публиковалась. Лучшим считается издание Археографической комиссии 1872 г. Оно и используется в настоящей работе в современном переиздании.¹⁵ Подлинная рукопись Лаврентьевской летописи хранится ныне в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга.

Исследователи обнаружили, что Лаврентьевская летопись имеет сложный состав. В нее входит Начальный свод игумена Никона, созданный во второй половине XI в., древнейший памятник историографии начала XII в. «Повесть временных лет» в редакции игумена Сильвестра, киевские великокняжеские летописи XII в., владимиرو-суздальский свод 1205 г., а также тверские и ростовские летописцы XIII в. Изложение событий доведено в Лаврентьевской летописи до 1304 г.¹⁶

В итоге получается, что Лаврентьевская летопись содержит основные сведения об истории Древнерусского государства в X—XIII вв. Что же дает она по нашей теме? Оказывается, что женских имен в ней не так уж и много. В статьях X в. упомянуто всего 11 женщин. Из них 6 – только один раз. Чаще всего встречается имя княгини Ольги – ей посвящено 40 страниц печатного текста. Следующей по числу упоминаний идет жена князя Владимира Святославича Рогнеда – 5 раз, за ней еще одна жена князя византийская принцесса Анна – 4 раза. Получается, что за целый век внимание летописца привлекли только три женщины.

В статьях XI в. упоминаются 14 женщин, но из них 8 – только один раз. Наибольшее внимание уделено двум женам Всеволода Ярославича (их имена встречаются 5 раз), далее – жене Владимира Мономаха (3 раза) и столько же – его сестре Янке и сестре Ярослава Мудрого Предславе.

В статьях XII в. женских имен уже больше – 29, но из них 17 упомянуты только один раз. Наибольшее внимание уделено женам великого князя Изяслава Мстиславича (упомянуты 4 раза без указания имен) и жене великого князя Всеволода Большое Гнездо Марии Ясыне (4 раза).

¹⁵ Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001.

¹⁶ Клосс Б. М. Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 23–26.

В статьях XIII в. женских имен еще больше – 31 упоминание, но из них 15 встречается по одному разу. Больше всего внимания уделено ростовской княгине Марье Михайловне (10 раз) и Феодосии, жене великого князя Ярослава Всеволодовича (5 раз).

Статистические подсчеты показывают, что от века к веку число упоминаний женских имен увеличивается. Это может свидетельствовать о возрастании роли женщин в русском обществе. Но все же содержащаяся в Лаврентьевской летописи информация о древнерусских женщинах явно недостаточна для создания их полноценных исторических портретов.

Второй древнейшей летописью считается Ипатьевская, дошедшая до нас в нескольких списках. Свое название она получила от костромского Ипатьевского монастыря, в котором хранился ее древнейший список XV в. Ныне он находится в Библиотеке Академии наук. Второй список, Хлебниковский, датируется XVI в. Он менее исправный и содержит пропуски. Остальные списки относятся к XVII и XVIII вв.

Ипатьевская летопись неоднократно издавалась в XIX и XX вв. В настоящей работе использован текст, опубликованный в 1871 г. Археографической комиссией и переизданный в 2001 г.¹⁷

По мнению исследователей, в начальной части Ипатьевская летопись совпадает с Лаврентьевской, поскольку содержит и Начальный свод игумена Никона, и «Повесть временных лет», но в редакции не Сильвестра, а монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. С начала XII в. тексты летописей отличаются, поскольку в Ипатьевскую вошел киевский великокняжеский свод 1198 г. и Галицко-Волынская летопись XIII в. Последние известия датируются 1292 г.¹⁸

Сравнение женских имен, упомянутых в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, показало, что отличия есть только в статьях XII и XIII вв. В Лаврентьевской – 9 оригинальных имен, в Ипатьевской – 23, из которых 16 относятся к XII в., остальные – к XIII. Правда, большинство из них упомянуты не более 1–2 раз. В целом, наряду с Лаврентьевской летописью, Ипатьевская летопись является достаточно важным источником по указанной теме.

Еще одной древней летописью является Радзивилловская, названная по имени одного из владельцев. Исследователи полагают, что в основе ее лежит владими́ро-суздальский летописный свод 1205 г., но в более поздней редакции, чем в Лаврентьевской летописи. Главной особенностью этой летописи являются красочные миниатюры (их 618), скопированные частично с древнего оригинала. Именно эти архаичные изображения и являются важным историческим источником.¹⁹

Радзивилловская летопись дошла до нас в двух рукописях: собственно Радзивилловской, датируемой приблизительно 1487 г., и Московской Академической конца XV в. – без миниатюр. Первая хранится в Библиотеке Академии наук, вторая – в Российской Государственной библиотеке. В ней изложение событий доходит до 1479 г.

По мнению исследователей, иллюстрированная рукопись была скопирована с владими́ро-суздальского свода в Смоленске или Полоцке в XV в. В XVII в. она была подарена князю Я. Радзивиллу, который в 1671 г. передал ее в Кенигсбергскую библиотеку. Здесь в 1715 г. с ней ознакомился Петр I и повелел сделать копию для себя. В 1761 г. после взятия Кенигсберга русскими войсками Радзивилловская летопись стала военным трофеем и была передана в Библиотеку Академии наук.²⁰

В XX в. Радзивилловская летопись неоднократно издавалась. В настоящей работе использовано издание 1994 г.

¹⁷ Ипатьевская летопись. Рязань, 2001.

¹⁸ Клосс Б. М. Ипатьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 26–28.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 188–200.

²⁰ Клосс Б. М. Радзивилловская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 28–30.

Еще одной древнейшей летописью является Новгородская I, дошедшая в двух изводах. Старший представлен пергаменным списком XIII—XIV вв., хранящимся ныне в ГИМе. В нем утрачены первые 16 тетрадей о событиях до 1016 г. и одна тетрадь с описанием событий конца XIII в. Исследователи полагают, что Синодальный список был составлен в конце XIII в. местным новгородским духовенством в период существования Новгородской феодальной республики. Потом он был продолжен до середины XIV в.²¹

Младший извод, представленный двумя списками XV в., доводит повествование до 40-х гг. XV в. В начальной части он сходен со старшим изводом. Исследователи полагают, что в Новгородской I летописи отразился Начальный свод Никона, созданный до «Повести временных лет».²²

Новгородская I летопись неоднократно издавалась в XVIII—XX вв. В настоящей работе использован текст, опубликованный М. Н. Тихомировым.²³

В качестве дополнительных источников использовались и более поздние летописи, в которых, по мнению исследователей, отразились ранние тексты: Летописец Переяславля Суздальского, дошедший в составе компиляции «Летописец русских царей», Московский свод 1479 г., Троицкая летопись в реконструкции М. Д. Приселкова, Владимиро-Суздальский летописец, Ермолинская летопись, Никоновская летопись, Воскресенская летопись и др.²⁴

К числу важных и интересных письменных памятников следует отнести жития древнерусских женщин, провозглашенных православной церковью святыми. К их числу относятся «Житие княгини Ольги», «Житие Евфросинии Полоцкой» и «Житие Евфросинии Суздальской».²⁵ Правда, до нас тексты этих сочинений дошли в позднейших доработках, с многочисленными добавлениями и заимствованиями из аналогичных памятников. Поэтому вряд ли их можно считать абсолютно надежными и достаточно достоверными историческими источниками.

Источником, повествующим только об одной женщине, является «Слово о полку Игореве». В нем в поэтическом виде представлен образ жены новгород-северского князя Игоря. Среди исследователей нет единодушного мнения ни по поводу ее имени (Ярославна – отчество), ни по поводу ее возраста,²⁶ поэтому для решения данных вопросов требуются иные источники, летописи, синодики и т. д.

Несомненно, что для создания полноценных исторических портретов женщин необходимо привлечение всех возможных дополнительных источников. К ним можно отнести жития их мужей, отцов и т. д. Так в «Житии Владимира Святославича» обнаруживаются данные об его супруге Анне, в «Житии Михаила Черниговского» – о его дочерях.²⁷

Ряд дополнительных данных о некоторых конкретных женщинах содержат хождения русских паломников. Например, в «Хождении игумена Даниила» и «Хождении Добрыни Ядрейковича» есть сведения о дарах княгини Ольги в Софийский собор Константинополя, описаны могилы полоцких князей и их жен, представлены описания храмов, которые посещали женщины-паломницы, в частности Евфросиния Полоцкая.²⁸

²¹ Клосс Б. М. Новгородская I летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 37–38.

²² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 182–257.

²³ Новгородская харатейная летопись. М., 1964.

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989; Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002; ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004; Воскресенская летопись, Т. 2–3. Рязань, 1998.

²⁵ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские Жития. Приложение. С. 6–8. М., 1915; Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII—XV веков. М., 2005. С. 209–220; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 11. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 374–408.

²⁶ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. В 5 т.

²⁷ Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 14–16, 49–86.

²⁸ Малето Е. И. Указ. соч. С. 163–208, 221–235.

В число дополнительных источников можно включить похвальные слова и поучения русских духовных деятелей. Так, в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона с самыми хвалебными эпитетами упомянута жена Ярослава Мудрого Ингигерд-Ирина.²⁹ В послании другого киевского митрополита Никифора можно обнаружить сведения о жене Владимира Мономаха английской принцессе Гиде и его дочери Евфимии.³⁰

Интересные данные об участии княгинь в церковных делах дают два послания епископа Симона. Одно было направлено к жене князя Ростислава Рюриковича Верхуслане-Анастасии Всеволодовне, второе – к киево-печерскому монаху Поликарпу.³¹

Много сведений о различных женщинах далекого прошлого содержится в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей матери». Большинство из них принадлежало к простому сословию и обращалось к чудотворному образу с просьбой об исцелении от различных хворей.³²

Еще одним важным дополнительным источником является Помянник черниговских князей, дошедший в составе Синодика Антониева монастыря в Любече, датируемого 1693 г. Исследователи обнаружили, что в данном памятнике находится помянник черниговских князей Ольговичей, составленный приблизительно в XIII в. В него включены имена 119 князей и 45 княгинь с уточнением их родственных связей. Эти данные особенно ценны, поскольку в других источниках отсутствуют. Помянник был опубликован и исследован Р. В. Зотовым.³³

Весьма интересные данные о жизни и деятельности женщин самых различных слоев новгородского общества содержат найденные при археологических раскопках берестяные грамоты. Так, из грамоты Жизномира к Микуле можно узнать, что в конце XI – начале XII в. на Руси активно торговали рабами и рабынями. При этом предприимчивые люди старались украсть живой товар у одного владельца и перепродать его другому. Но за это они нередко были наказаны. Данную грамоту исследователи связывают со случаем воровства рабыни у жены новгородского князя Мстислава Великого Христины.³⁴

О социальном и имущественном положении новгородок в конце XII – начале XIII в. можно судить по посланию Анны к Климяте. Из него выясняется, что Анна выступила поручительницей по зятю, взявшему деньги в долг. Поскольку тот не вернул взятое, то долг стали требовать с тещи.³⁵

О самостоятельных финансовых операциях, осуществляемых женщинами, повествует грамота второй половины XII в. – послание Пелагеи к Алфимии.³⁶ Некоторые грамоты позволяют предположить, что в XIII в. в Новгороде между женихом и невестой заключался брачный договор.³⁷

В целом новгородские берестяные грамоты свидетельствуют о том, что в XI–XIII вв. многие новгородские женщины были грамотными, вели переписку друг с другом по различным вопросам, были независимы от мужей в финансовом отношении, активно участвовали в хозяйственной жизни.

К числу важных дополнительных источников следует отнести вещественные памятники: обнаруженные в ходе археологических раскопок находки (украшения, посуда, остатки тканей,

²⁹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. СПб., 1994

³⁰ Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992. С. 71–73.

³¹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 476–485, 699–700.

³² Ключевский В. О. Сказание о чудесах иконы Божьей матери // ОЛДП. Вып. XXX. СПб., 1893.

³³ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // ЛЗАК за 1882–1884 гг. Вып. 9. СПб., 1893.

³⁴ Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 269–270.

³⁵ Там же. С. 286–287.

³⁶ Там же. С. 296.

³⁷ Там же. С. 313, 315.

орудий труда, предметов быта и т. д.); дошедшие до нас постройки XI—XIII вв. в Киеве, Новгороде, Чернигове, Полоцке, Смоленске, Ростове Великом, Владимире и остальных древнерусских городах, иконы, фрески, книжные миниатюры, печати и многое другое.³⁸

Все это в целом позволяет по крупицам создавать исторические портреты наиболее выдающихся женщин далекого прошлого.

³⁸ Каргер М. К. Древний Киев: В 2 т. М.; Л., 1958–1961; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. Т. 1–2. М., 1970; Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986; Культура Древней Руси. М., 1966; Древнерусская монументальная живопись. XI—XIV вв. М.; Л., 1964; В. Д. Черный, Русская средневековая книжная миниатюра. Направления, проблемы и методы изучения. М., 2004.

Зарубежные источники

Зарубежные источники следует отнести к числу достаточно важных памятников, но дающих сведения лишь об отдельных конкретных женщинах, преимущественно об иностранных принцессах, ставших женами русских князей. Степень их достоверности различна, но при общей скудости источниковой базы игнорировать их нельзя. Например, скандинавские саги являются скорее литературными памятниками и лишь отчасти отражают историческую действительность, но в них много данных о жене Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд-Ирине и ее дочерях, о другой шведской принцессе, Христине, ставшей женой Мстислава Великого.

Исследователи полагают, что наиболее достоверную информацию содержат королевские саги, дошедшие до нас в нескольких рукописных сборниках: «Обзор саг о норвежских конунгах» 1190 г., «Гнилая кожа», составленная около 1220 г. и дошедшая в рукописи второй половины XIII в., «Красивая кожа» середины XIII в., «Круг земной», созданный около 1230 г. историком Снорри Стурлусоном. Перевод и публикация наиболее интересных саг были осуществлены Е. А. Рыздзиевской и Т. Н. Джаксон.³⁹

Целый ряд важных сведений содержат европейские латиноязычные источники. Например, в «Продолжении хроники Регинона» есть данные о контактах княгини Ольги с германским императором Оттоном. В сочинении мерзебургского епископа Титмара, написанном в 1012–1018 гг., рассказано о борьбе Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным, в которую были втянуты сестры князя. Перевод и публикация этих источников были осуществлены М. Б. Свердловым и А. В. Назаренко.⁴⁰

К числу важных источников следует отнести и польские латиноязычные источники, в частности знаменитый Кодекс Гертруды, жены Изяслава Ярославича. Некоторые выдержки из него были переведены и опубликованы Н. И. Щавелевой.⁴¹ Меньший интерес представляют польские хроники, поскольку их авторы были откровенно тенденциозны и настроены отрицательно к Древней Руси, например Галл Аноним, автор XII в.⁴²

К числу важных источников можно отнести сочинения византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанное в 948–952 гг., и «О церемониях византийского двора» конца 50-х г. X в. В них можно найти сведения о княгине Ольге, в частности о ее визите в Константинополь и посещении императорского дворца. Эти сочинения были переведены и опубликованы под руководством А. П. Новосельцева и Г. Г. Литаврина.⁴³

Некоторые сведения о княгине Ольге содержатся и в византийских хрониках: «Истории» Льва Диакона (создана после 992 г.), «Истории» Иоанна Скилицы, вошедшего в состав «Обозрения истории» Георгия Кедрина, составленного на рубеже XI—XII вв.⁴⁴ Одним из интереснейших и спорных документов является «Кембриджская рукопись».⁴⁵

³⁹ Рыздзиевская Е. А. Россия в исландских сагах. М., 1978; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, переводы, комментарии: В 3 т. М., 1993–1994.

⁴⁰ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. / Сост., пер. и коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989–1990; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, переводы, комментарии // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

⁴¹ Щавелева Н. И. Приватные молитвы жены Изяслава // Церковь в истории России. М., 1999. С. 4–18.

⁴² Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, переводы, комментарии // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1990.

⁴³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989.

⁴⁴ Лев Диакон. История. /Пер. М. М. Копыленко. М., 1988; Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.

В целом, хотя перечень источников и представляется довольно внушительным, содержащаяся в них информация по рассматриваемой теме достаточно скудна и нередко весьма противоречива. Поэтому более детально и обстоятельно каждый вид источников рассмотрен в соответствующих главах.

⁴⁵ Коковцов П. К. Новый документ о хазарах и хазаро-руско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913, ноябрь. С. 171.

Глава 1. Женщины древнейшего периода

В древнейших русских летописях нет никаких сведений о женщинах, живших на территории Руси до княгини Ольги. Исключением является загадочная Иоакимовская летопись, о существовании которой известно из труда В. Н. Татищева. Историк неоднократно делал из нее выписки, содержание которых многим современным историкам представляется абсолютным вымыслом. К их числу можно отнести сюжет о древнейших славянских князьях. В нем указано, что женой славянского князя Вандаля была варяжка Адвинда. В одиннадцатом поколении от них находился Гостомысл, имевший трех дочерей. Старшая стала женой князя Изборска, муж средней – Умилы был неизвестен, но она родила сына по имени Рюрик. После этого Гостомыслу приснился чудесный сон о том, что из чрева Умилы выросло огромное дерево, покрывшее своими ветвями всю славянскую землю. Волхвы истолковали этот сон, как предзнаменование того, что потомки дочери Гостомысла будут править славянами. Поэтому перед смертью Гостомысл вызвал Рюрика к себе и официально передал ему власть.⁴⁶

Таким образом, согласно легенде Иоакимовской летописи Рюрик вовсе не был чистокровным варягом, по женской линии он вел родство от славянских князей, которые, впрочем, иногда женились на варяжках.

Хотя известия Иоакимовской летописи о происхождении Рюрика весьма любопытны, большинство историков считают их совершенно недостоверными.⁴⁷

Для нашей темы данная легенда интересна тем, что в ней Рюрик представлен продолжателем династии славянских князей именно по женской линии. Только это и обеспечивало легитимность его власти. При этом не сам Рюрик выглядит основателем династии киевских князей, а Умила: из чрева которой выросло гигантское дерево. Значит, автор легенды в основу русской государственности положил не мужское, а женское начало.

Также легендарными представляются сведения В. Н. Татищева, взятые из Иоакимовской летописи, о том, что жену Рюрика звали Эфанда и что она была из прибалтийского племени славян ободритов. Считается, что это имя было придумано историком как производное от Сфандра.⁴⁸ Правда, некоторые исследователи связали женитьбу на Эфанде с желанием Рюрика укрепить свои позиции в Новгороде после мятежа Вадима, о котором под 864 г. сообщала Никоновская летопись.⁴⁹

Но женитьба на ободритке вряд ли могла помочь Рюрику в Новгородской земле, населенной словенами. Более выгодным для него было породниться с местной знатью, но данных на этот счет в древнейших летописях нет.

Первой реальной женщиной, о которой в самых различных и достаточно достоверных источниках содержится довольно много сведений, следует считать княгиню Ольгу, жену князя Игоря. Несомненно, она была знаковой фигурой и для всего рода князей-Рюриковичей, и для всех древнерусских женщин. Благодаря ей пришлые варяги смогли породниться со славянской знатью и своим сыновьям и дочерям стали давать местные имена. Для женщин Ольга, отмстившая убийцам мужа, отстаивавшая права сына на великокняжеский престол, умело правившая в его малолетство и первая из высшей знати принявшая христианство, стала образцом для подражания.

Все это говорит о том, что начинать исследование, посвященное древнерусским женщинам, следует именно с княгини Ольги.

⁴⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М., 1994. С. 108–110.

⁴⁷ Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 61–65.

⁴⁸ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 110, 372; Геденов С. А. Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876. С. XXXIX.

⁴⁹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214–215.

Княгиня Ольга-Елена

Жизнь княгини Ольги отразилась в самых различных источниках: в письменных, русских и зарубежных, вещественных и даже географических. Казалось бы, такое значительное количество памятников прошлого должно было помочь исследователям составить достаточно полный и достоверный портрет княгини. Однако из-за противоречивости и недосказанности сведений в них в научной литературе не утихают споры об Ольге. Они касаются и ее происхождения, и дат рождения и замужества, и обстоятельств рождения сына Святослава, и взаимоотношений с ним, и реальности ее жестокой мести древлянам, и времени и места крещения, и в целом вклада в становление и развитие Древнерусского государства.

К числу важнейших источников о княгине Ольге относятся древнейшие летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивилловская и др., начальную часть которых составляет «Повесть временных лет». В этом сочинении Ольга является одной из главных героинь X в. В нем подробно описано, как княгиня отомстила древлянам за убийство мужа, как стала управлять государством, как крестилась в Константинополе, как оказалась с внуками в осажденном печенегами Киеве, какие взаимоотношения были у нее с сыном и т. д.

Вторым памятником русского происхождения об Ольге является «Память и Похвала князю Владимиру» со вставкой «Похвалы княгине Ольге». Это произведение приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Иакову, жившему в XI—XII вв. По мнению исследователей, окончательное оформление его текста произошло в XIV в.⁵⁰

Еще одним важным источником является «Житие княгини Ольги», дошедшее до нас в двух редакциях. Считается, что древнейшая была написана в конце XIII в. и дошла до нас в списке XIV в. В XVI в. достаточно краткий текст был дополнен и включен в «Степенную книгу».⁵¹ Исследователи полагают, что по отношению к летописям текст пространного «Жития» вторичен, поскольку был написан через много лет после смерти княгини.⁵²

Деятельность княгини Ольги оставила след и в ряде зарубежных письменных памятников. Наиболее важным из них являются сочинения византийского императора Константина Багрянородного, в первую очередь его записки «О церемониях византийского двора». В них он подробно описал два приема княгини Ольги в своем императорском дворце. Он подробно перечислил всех спутников княгини, указал подарки, которые были ей поднесены, но не уточнил, в каком году все это происходило, только сообщил число, день недели и месяц. Не дал он сведений и о цели визита русской правительницы. В итоге среди исследователей возникла масса споров по поводу времени и обстоятельств поездки Ольги в Константинополь.

Сочинение Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» было переведено и опубликовано Г. Г. Литавриным.⁵³

Еще одним важным и интересным источником является «Продолжение хроники Регинона», приписываемое епископу Адальберту. Именно он ездил с миссионерской деятельностью в Киев (которая, однако, провалилась) в правление княгини Ольги. Среди исследователей данный памятник также вызывает много споров: при каких обстоятельствах Адальберт отправился на Русь, кто был инициатором его поездки, почему она оказалась неудачной?

К числу дополнительных источников можно отнести византийские хроники XI—XII вв., в которых есть краткие сообщения об Ольге.

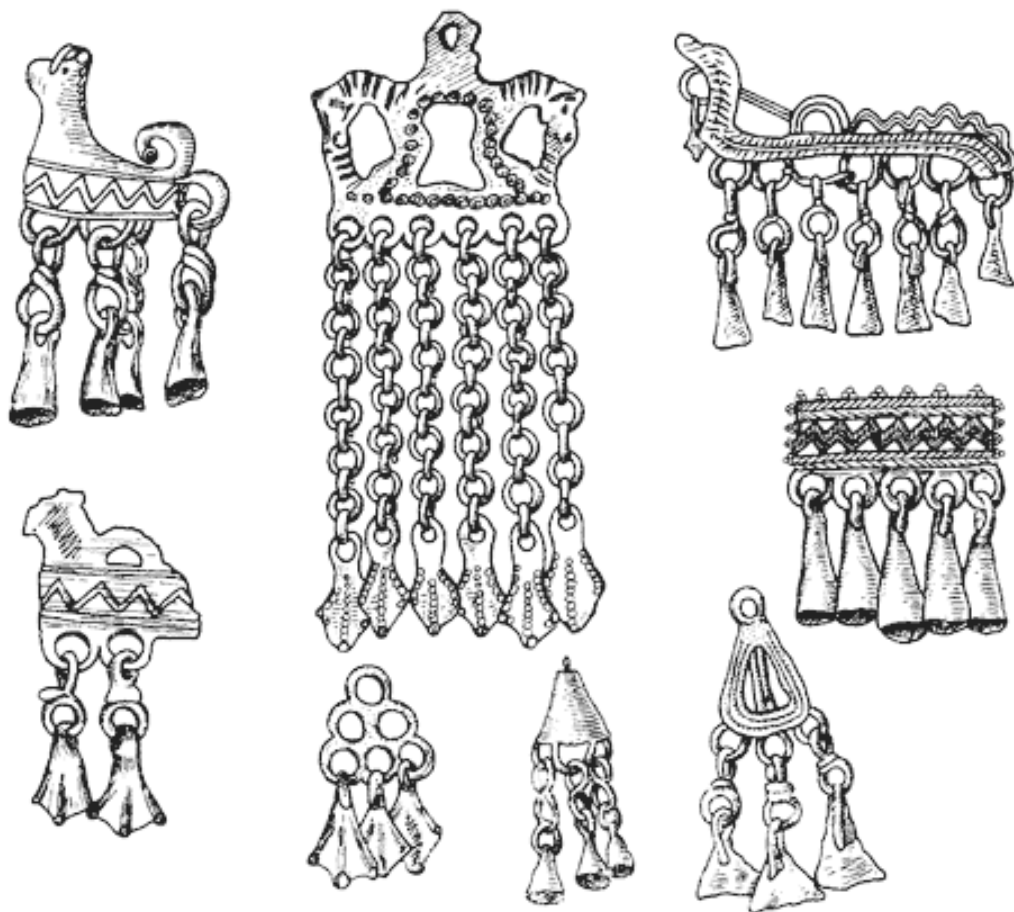
⁵⁰ Шапов Я. Н. «Память и Похвала князю Владимиру Святославичу» Иакова мниха и «Похвала княгине Ольге» // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 181–185.

⁵¹ Полное собрание русских летописей. Т. 21. СПб., 1908. С. 7–16.

⁵² Клосс Б. М. Житие княгини Ольги // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 213.

⁵³ Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1931.

Следует отметить, что все важнейшие исторические источники о княгине Ольге были введены в научный оборот еще Н. М. Карамзиным. Он первым попытался дать оценку сохранившимся в них сведениям, представил собственную реконструкцию биографии княгини и сделал вывод о значении ее деятельности для Древнерусского государства. В последующем историки лишь уточняли и дополняли некоторые детали, высказывали свое мнение по спорным вопросам.

Основные типы шумящих привесок из древнерусских курганов

Рассмотрим, какой же исторический портрет княгини Ольги воссоздал Н. М. Карамзин. Он считал вполне достоверными данные древнейших летописей о происхождении Ольги из Пскова и о содействии князя Олега в 903 г. браку с ней юного родственника князя Игоря. При этом взятые В. Н. Татищевым из Иоакимовской летописи оригинальные известия о том, что славянским именем Ольги было имя Прекраса и что она вела свой род от новгородского посадника Гостомысла, он считал вымыслом.⁵⁴

Недоумение Карамзина вызвала и указанная в Ипатьевской летописи дата рождения Святослава – 942 г., поскольку в это время княгиня должна была быть престарелой женщиной, неспособной родить ребенка. Историк решил, что эта дата ошибочная, и предположил, что Ольга произвела на свет сына в 933 г., когда ей было 40 лет. Возраст княгини он определил из указания в Софийской I (датируется XVI в.) летописи о том, что на момент замужества Ольге было только 10 лет.⁵⁵ Хотя это добавление и представляется очень ценным, но его не было в

⁵⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 102.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 11.

древнейших летописях. Появилось же оно в летописи позднего времени, как результат подсчетов самого создателя Софийской летописи, но точных данных на этот счет, конечно, нет.

Из предположения Карамзина о дате рождения Святослава выходит, что на момент смерти отца ему было уже 12 лет. Однако в летописном описании похода Ольги на Искоростень ее сын выглядит значительно младше – он был способен бросить копье только под ноги своей лошади.⁵⁶ Таким слабым мальчик мог быть в возрасте не старше 8 лет, при условии, что копье было взрослым и достаточно тяжелым.

Поэтому предложенная Карамзиным дата рождения Святослава не может быть признана правильной. В последующей историографии данный вопрос постоянно дискутировался, и до сих пор не решен.

Анализируя летописный рассказ о мести Ольги древлянам, Н. М. Карамзин решил, что тот больше похож на легенду или народную сказку, чем на реальность, поскольку древлянский князь Мал вряд ли бы стал свататься к женщине, которой было уже за 50 лет.⁵⁷ Однако этот вывод сомнителен, поскольку Ольга была не простой женщиной, а великой княгиней, матерью наследника верховной власти в Древнерусском государстве. Брак с ней позволял Малу самому стать правителем обширной державы.

Следует отметить, что вопрос о достоверности летописного рассказа о мести Ольги древлянам до сих пор вызывает в историографии споры.

Н. М. Карамзин не сомневался в том, что после гибели Игоря Ольга стала правительницей Руси. При этом у нее были собственные владения – г. Вышгород, выделенный ей князем Олегом в качестве «вено» – платы за брак с Игорем. Получаемые доходы княгиня имела право тратить на собственные нужды.⁵⁸

Славянские украшения VIII в. Среднее Поднепровье

Рассматривая нововведения Ольги в сборе дани, историк решил, что она провела административно-территориальную реформу, разделив подвластные ей земли на волости с административными центрами – погостами.⁵⁹ Но можно ли было это сделать в то время, когда даже границы государства четко не определялись и вся его территория была слабо заселена? Более вероятным кажется, что княгиня лишь определила размер дани для каждой местности и указала время и место, куда ее следовало привозить. Кроме того, она выделила княжеский домен

⁵⁶ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. Рязань, 2001. С. 56.

⁵⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 268.

⁵⁸ Там же. С. 122.

⁵⁹ Там же. С. 123.

– места охоты и ловли рыбы для своего обихода. Для того времени это было очень важной реформой, поскольку она должна была урегулировать взаимоотношения с местным населением и исключить злоупотребления княжеской администрации в сборе дани. (В историографии вопрос о сути реформ княгини Ольги до сих пор вызывает споры.)

Анализируя сведения древнейших летописей о крещении Ольги, Карамзин обнаружил в них ряд ошибок. Так, оказалось, что летописная дата этого акта – 955 г. не согласуется с данными Константина Багрянородного о времени приема Ольги в Константинополе. Исследователь вычислил, что указанные императором числа, дни недели и месяц были либо в 946, либо в 957 г. Более подходящей для него показалась дата 957 г., поскольку, как следует из записок Константина, княгиня встречалась не только с ним самим, но и с семьей его сына Романа. В 946 г. царевич был еще подростком, хотя и женатым на маленькой девочке. Детей в это время он еще не имел.⁶⁰

Эти выводы историка представляются вполне убедительными, но в последующей историографии возникли споры и появились иные точки зрения.

Карамзин заметил, что в Лаврентьевской летописи и в связанных с ней поздних сводах принимавший Ольгу византийский император неправильно назван Иоанном Цимиским. Этот правитель пришел к власти уже после смерти княгини. В Ипатьевской летописи этой ошибки не было, значит, ее создатель был лучше информирован об истории Византии, чем автор Лаврентьевской. К тому же историк усомнился в сообщении обеих летописей о том, что император захотел жениться на Ольге, находящейся в весьма почтенном возрасте. Ведь сам он давно был женат, да и принимал русскую княгиню вместе с супругой.⁶¹

Пытливый историк заметил, что в сочинении Константина Багрянородного ничего не писалось о крещении русской княгини и сама она называлась языческим именем Хельга (после крещения Ольга стала Еленой). Однако русские летописи и византийские хроники утверждали, что Ольга ездила в Византию специально для крещения. Чтобы разобраться в этом противоречии, Карамзин решил, что Константина интересовали только вопросы церемониала, поэтому он и не упомянул о крещении своей гостьи.⁶²

Позднее данный вопрос вызвал бурную дискуссию в историографии. При этом спорящим приходилось лишь интерпретировать те источники, которые ввел в научный оборот Карамзин.

Среди зарубежных хроник историку удалось обнаружить памятник, свидетельствующий о достаточно обширных международных контактах княгини Ольги. Это – «Продолжение хроники Регинона», написанное в конце X в. В нем сообщалось об отправке в 959 г. русского посольства к германскому императору Оттону I и ответной миссии католического епископа Адальберта в 961 г., которая закончилась полным провалом – Адальберт вынужден был бежать на родину. Карамзин счел содержание этого источника абсолютно достоверным и решил, что Ольга хотела крестить Русь с помощью немецких миссионеров, но не смогла это сделать из-за противодействия сына-язычника.⁶³

В последующем содержание «Продолжения хроники Регинона» привлекло внимание многих исследователей, предлагавших его собственное толкование.

Н. М. Карамзин подверг критике поздние источники о княгине Ольге, в частности ее «Житие» в краткой и пространной редакции, всевозможные добавления в поздних летописях и хрониках. Их он назвал баснословием и выдумками всевозможных сочинителей.⁶⁴ К числу недостоверных он отнес и сообщение в «Похвале князю Владимиру» о том, что в правление

⁶⁰ Там же. С. 124.

⁶¹ Там же. С. 272.

⁶² Там же. С. 271.

⁶³ Там же. С. 275.

⁶⁴ Там же. С. 272.

этого князя были обнаружены мощи Ольги и установлены в Десятинной церкви, поскольку в древнейших летописях никаких данных на этот счет не было.⁶⁵

В целом знаменитый историк очень высоко оценил деятельность княгини Ольги и поставил ее в один ряд с великими государственными деятелями Древней Руси: «Предание нарекло Ольгу хитрой, церковь – святой, история – мудрой. Она не воевала, а правила государством. С деятельностью великого мужа учредила порядок в государстве, не писала законов, но давала уставы, простые и самые нужные. При Ольге Россия стала известна в отдаленных странах Европы».⁶⁶

Определенное внимание княгине Ольге уделил и другой известный историк С. М. Соловьев. Рассматривая все предания и мнения об ее происхождении, он признал достоверным лишь ее происхождение из северных областей Руси. Сведения летописей об ее жестокой мести древлянам он не склонен считать легендарными, поскольку в древнерусском обществе месть была широко распространена, и почитался лишь тот, кто мог отомстить обидчику.⁶⁷

Анализируя сведения летописей о реформах княгини, Соловьев решил, что на установленных ею погостах находились представители княжеской администрации – тиуны, которые не только собирали дань, но и вершили суд. Слово «повосты» из Лаврентьевской летописи он счел неправильным прочтением, возникшим при переписке текста с древней ветхой рукописи.⁶⁸

Исследуя маршрут, по которому Ольга объезжала свои владения в начале правления, историк решил, что он проходил по окраинам Новгородской земли, т. е. рекам Мста и Луга.⁶⁹ Однако в настоящее время нет точных данных об этих границах. К примеру, Белоозеро было много севернее Мсты, а Изборск – юго-западнее Луги. При этом оба эти города были новгородскими еще при Рюрике.

С. М. Соловьев поддержал точку зрения Карамзина на то, что датой крещения русской княгини следует считать 957 г., а не 955, как в летописях. Предположение В. Н. Татищева о склонности Ольги к христианству еще в Киеве (но она якобы боялась враждебности язычников) он отверг: ведь согласно летописным данным, и в Киеве и в Новгороде при князе Игоре существовали христианские храмы в честь Ильи-пророка и Спасо-Преображения.⁷⁰

Историк высказал мнение о том, что Ольга осталась недовольна оказанным ей в Константинополе приемом, поскольку ее заставили долго ждать в гавани и принимали на недостойном ее низком уровне.⁷¹ Позднее византилисты убедительно оспорили эту точку зрения – Ольгу принимали на самом высоком уровне.

Рассматривая содержание «Продолжения хроники Регинона», Соловьев счел сомнительными сведения о том, что именно Ольга отправила послов к германскому императору. По его мнению, русские визитеры были самозванцами: желая получить дары от католического духовенства, они самовольно пригласили миссионеров в свою страну. В итоге оказалось, что в Киеве епископа Адальберта никто не ждал, и его миссия провалилась.⁷²

⁶⁵ Там же. С. 294.

⁶⁶ Там же. С. 129.

⁶⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1. М., 1988. С. 147–148.

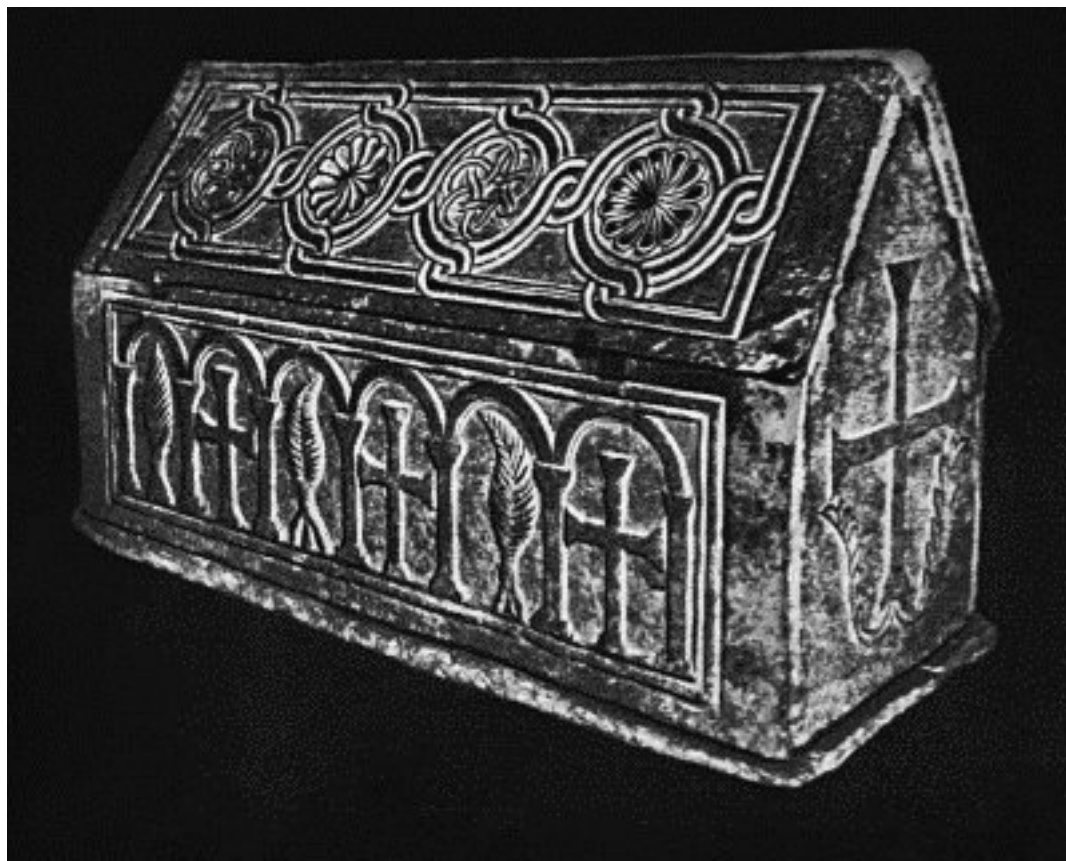
⁶⁸ Там же. С. 149.

⁶⁹ Там же. С. 301.

⁷⁰ Там же. С. 143, 151.

⁷¹ Там же. С. 153.

⁷² Там же. С. 302.

Саркофаг из волынского шифера. X в. Найден при раскопках Десятинной церкви. Предполагается, что в нем была захоронена княгиня Ольга

Историк полагал, что Ольга обладала большой личной собственностью. В Вышгороде находилась ее загородная резиденция, хранилась казна. Село Будутино она отдала ключнице Малуше, когда та родила от Святослава сына Владимира. Позднее та пожертвовала его Десятинной церкви.⁷³

В целом Соловьев, как и Карамзин, высоко оценил деятельность княгини Ольги, назвав ее «устроительницей Русской земли, мудрейшей из женщин». По его мнению, в Древней Руси княгини занимали высокое положение: имели значительное имущество, содержали целый штат слуг, участвовали в пирах, охоте, отличались хитростью, смекалкой, были храбры и находчивы.⁷⁴ Эти выводы он сделал, исходя из фактов биографии Ольги.

Не менее положительно относился к Ольге и другой историк рубежа XIX и XX вв. – академик С. Ф. Платонов. Он даже полагал, что с 945 по 957 г. княгиня правила совершенно самостоятельно всем Древнерусским государством. Подобно другим знатым женщинам своего времени она обладала полной гражданской и имущественной самостоятельностью, отличалась государственной мудростью, смекалкой и в этом отношении смогла «переплюнуть» самого византийского императора.⁷⁵ В данном случае Платонов счел достоверными сведения летописей о том, что Константин сватался к Ольге, но та, не желая портить отношения отказом, перехитрила его и сделала брак невозможным.

Академик Б. Д. Греков также полагал, что Ольга была совершенно самостоятельной правительницей: установила размер дани, взимаемой с подвластных территорий, создала админи-

⁷³ Там же. С. 303.

⁷⁴ Там же. С. 237.

⁷⁵ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 100.

стративно-хозяйственные пункты по управлению территориями, проводила собственную международную политику, владела замковым городом Вышгород. Обо всем этом было известно в Византии, поэтому она получила от императора более ценные дары, чем ее сын Святослав в лице своего посла. Греков не сомневался, что Ольга сама отправила послов к германскому императору, желая установить с ним дружеские отношения.⁷⁶

В последующее время историки стали уделять больше внимания отдельным сторонам деятельности княгини Ольги и конкретным фактам ее биографии. Так, А. Н. Сахаров написал обстоятельный очерк, посвященный дипломатии Ольги. Он подробно проанализировал все, дошедшие до нас источники, дал оценку предшествующим трудам, начиная с В. Н. Татищева и заканчивая В. Т. Пашуто, М. Б. Свердловым и А. Г. Кузьминым.⁷⁷

Сахаров согласился с мнением Карамзина о том, что княгиня ездила в Константинополь в 957 г. и что летописцы допустили ошибку в дате этого события. Цель визита Ольги состояла не только в крещении, но и в установлении с Византией равноправных отношений, и для этого она дважды посещала императора Константина – поэтому в своем сочинении о ее визите он и забыл упомянуть о ее крещении. Главным для Константина было описать пышный церемониал, по которому принималась русская княгиня: она была удостоена личной беседы с императором и членами его семьи; во время официальной части ее не заставили падать ниц перед императорским тронном, а во время неофициальной части даже предложили сесть; в честь нее и ее спутников был устроен обед, после которого всех одарили подарками.⁷⁸ В данном случае А. Н. Сахаров убедительно доказал несостоятельность мнения С. М. Соловьева, утверждающего, что Ольга была принята в Константинополе недостаточно пышно.

Рассматривая различные источники об обстоятельствах крещения Ольги и пытаясь объяснить существующие в них противоречия, Сахаров предположил, что княгиня могла стать христианкой дважды: первый раз неофициально, в Киеве, второй раз торжественно и публично, в Константинополе. Относительно причин провала миссии в Киев католического епископа Адалберта Сахаров высказал мнение, что тот превысил свои полномочия и решил поставить Русь в зависимость от католического духовенства, в частности главы германской церкви. Естественно, что Ольга и ее окружение не пожелали подчиняться каким-либо иностранцам.⁷⁹

Очерк о дипломатии княгини Ольги вошел в состав фундаментальной монографии А. Н. Сахарова, посвященной дипломатическим отношениям Древней Руси.⁸⁰

Академик Б. А. Рыбаков попытался оценить вклад княгини Ольги в становление и развитие русской государственности. Анализируя некоторые летописные известия о ней, он пришел к выводу, что рассказ об ее мести древлянам не имел ничего общего с историческими реалиями. По своей сути он напоминал описание славянского погребального обряда: сначала умершего несли в ладье, потом сжигали, затем насыпали холм и справляли тризну. Сказание о мести, по мнению Рыбакова, было написано для устрашения подданных княгини и для доказательства непобедимости киевских правителей.⁸¹

Рыбаков решил, что отношение к реальным событиям имело лишь летописное описание реформ Ольги. Она установила конкретные и справедливые налоги, организовала княжеский домен со становищами (местами стоянки князя), ловищами (охотничьими угодьями), знаменьями (бортями) и местами для ловли рыбы. Таким образом, она размежевала угодья прави-

⁷⁶ Гревов Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 295–298.

⁷⁷ Сахаров А. Н. Дипломатия княгини Ольги // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 25–35.

⁷⁸ Там же. С. 42–43.

⁷⁹ Там же. С. 43.

⁸⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.

⁸¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 370–372.

телей и подданных. Становищ, как полагал академик, было не меньше 50. Кроме них якобы были погосты – острожки с постоянным гарнизоном, которых насчитывалось от 500 до 2000.⁸²

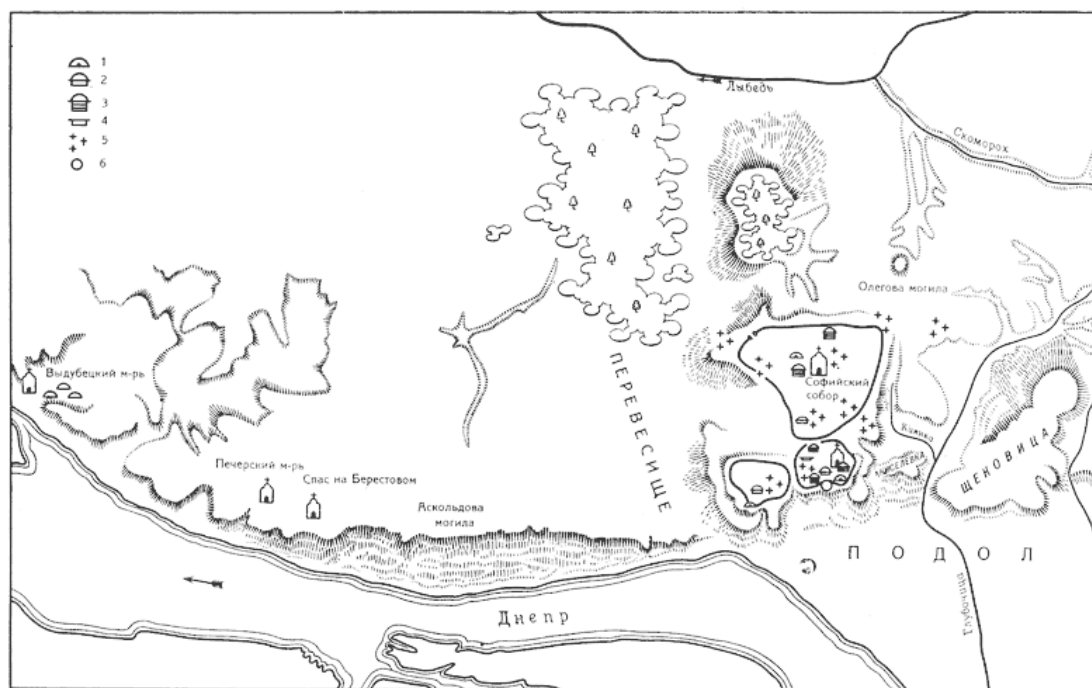
Последнее предположение академика кажется маловероятным, поскольку у Ольги не могло быть столь большой по численности дружины, чтобы распределять ее по острожкам. Да и надобности в них не было, учитывая слабую заселенность территории Древней Руси в то время.

Б. А. Рыбаков полагал, что Ольга сначала крестилась дома – в 955 г. и эта дата нашла отражение в летописях. Поэтому в Константинополь она прибыла уже христианкой в сопровождении священника Григоря (его имя Константин Багрянородный назвал в числе спутников княгини). По мнению историка, император в действительности хотел жениться на русской княгине, чтобы поставить ее страну в вассальную зависимость. При этом Ольга отнюдь не была старой женщиной, поскольку имела маленького сына. На момент гибели мужа ей должно было быть лет 28–32.⁸³

Делая подобное предположение о возрасте Ольги, Рыбаков почему-то полностью проигнорировал летописную запись о том, что брак между Игорем и Ольгой был заключен в 903 г., поэтому в 945 г. княгине никак не могло быть даже 32 лет.

В целом Б. А. Рыбаков весьма высоко оценил деятельность Ольги по обустройству Древнерусского государства, особенно реформы в налогообложении, выделении княжеского домена и устрашение подданных в письменном сочинении.⁸⁴

Последний вывод академика представляется несколько надуманным, поскольку устрашать неграмотных подданных письменно было бессмысленным. Для передачи же текста устным путем необходим был большой штат особых людей, которые вряд ли существовали в то время.

Киев и его окрестности в X–XIII вв. План составлен Л. А. Голубевой: 1 – курганные погребения с трупосожжением IX–X вв.; 2 – курганные погребения с трупосожжением в грунтовой могиле IX–X вв.; 3 – погребения в срубных гробницах IX–X вв.; 4 – погребения в грунтовых могилах конца X – начала XI в.; 5 – церковные кладбища XI–XII вв.; 6 – братские могилы XIII в.

⁸² Там же. С. 362–364.

⁸³ Там же. С. 369–370.

⁸⁴ Там же. С. 372.

Академик Г. Г. Литаврин посвятил ряд работ проблеме датировки поездки Ольги в Константинополь. Проанализировав содержание главного источника по этому вопросу – сочинения Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», он пришел к выводу, что Ольга ездила в Константинополь не в 957 г., как считало большинство исследователей вслед за Н. М. Карамзиным, а в 946 г. К этому году, как и к 957, подходили упомянутые императором даты: 9 сентября – среда и 18 октября – воскресенье. Аргументами в пользу своей точки зрения Литаврин считал следующие обстоятельства: в 957 г. княгиня Ольга была слишком стара для трудной поездки в Византию; описанные Константином взаимоотношения между его женой и невесткой больше походили на взаимоотношения с первой женой царевича Романа юной Бертой, нежели со второй женой, через некоторое время отравившей императрицу.⁸⁵

Но можно ли признать доводы Литаврина в пользу пересмотра устоявшейся точки зрения на дату поездки Ольги в Константинополь убедительными? Торговый путь в Константинополь к середине X в. был очень хорошо освоен русскими людьми и вряд ли являлся особенно трудным даже для пожилой женщины. К тому же после 957 г. княгиня Ольга прожила еще 12 лет, значит, особо дряхлой не была. Путешествие на судах для нее было привычным делом. Ведь это был главный способ передвижения в то время на Руси. Сочинение Константина Багрянородного вряд ли можно рассматривать как источник о взаимоотношении его жены с невестками. В нем описывались на конкретных примерах церемонии двора. Поэтому эпизод с двойным тронем, на наш взгляд, означал, что императрица и жена старшего царевича занимали равное положение во время официальных приемов.

Датируя поездку Ольги в Константинополь 946 г., Литаврин полностью проигнорировал сообщения русских летописей о том, что в этом году Ольга совершила военный поход на Искоростень и все лето осаждала город. Для поездки в Константинополь у нее просто не было времени. Ведь путь туда проходил по реке Днепр и Черному морю, которые зимой были несудоходными. К тому же в 946 г. вряд ли у Ольги было абсолютно прочное положение и в стране было спокойно. Поэтому в следующем 947 г. княгиня занялась реформами во время объезда своих владений. Ни в 946, ни в 947 г. у нее не было возможности надолго покидать Русь и оставлять юного наследника без опеки. Поэтому, представляется, что датировать поездку Ольги в Константинополь, 946 г. нельзя. Княгиня могла покинуть страну на несколько месяцев, только окончательно укрепив свою и сына власть.

Попытка Г. Г. Литаврина пересмотреть традиционную датировку поездки Ольги в Константинополь привела к тому, что в историографии стали появляться самые различные мнения по этому вопросу. Так, О. М. Рапов решил, что княгиня ездила в Византию дважды. Первый раз в 944 г. – при вдовом и малообразованном императоре Романа, который посватался к своей госте. В это время она и приняла крещение. Вторая поездка была в 946 г. Зная, что Ольга христианка, Константин посадил ее за один стол с собой и познакомил с семьей. Язычницу же, по мнению Рапова, он не стал бы так принимать.⁸⁶

Натянутость подобных предположений очевидна, поскольку полностью разрушает летописную датировку событий 40-х г. X в. Смерть Игоря пришлось бы отнести к 943 г., а месть Ольги древлянам и поездку по стране с реформами – несуществующими. К тому же, если в 946 г. княгиня была уже христианкой, то почему Константин называл ее языческим именем Хельга, а не христианским Елена? Получается, что выдвинутая Раповым точка зрения противоречит данным сразу двух источников.

Н. Л. Пушкирева попыталась совместить различные точки зрения на дату поездки Ольги в Константинополь. Она предположила, что княгиня ездила в Византию дважды: в 946 и в

⁸⁵ Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 175, 181–163.

⁸⁶ Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 161–172.

953/54 гг. (некоторые исследователи высказали мнение, что в летописных датах X в. есть сбой, поэтому 955 г. (6463 от Сотворения мира) следует считать 953/54 по сентябрьскому летоисчислению). Цель первой поездки состояла в ратификации договора, заключенного Игорем с греками, цель второй – крещение, но в летописях оказалась зафиксированной только одна поездка. Причину возникновения легенды о сватовстве к Ольге императора исследовательница объяснила желанием княгини найти в Константинополе невесту для сына, но ей не удалось это сделать из-за того, что тот был язычником. Акт крещения Ольги Пушкарева расценила не как личное дело, а как важный политический шаг, но от крещения страны ей пришлось отказаться, чтобы не попасть в зависимость от Византии. По этой же причине провалилась миссия католического епископа Адалберта. Исследовательница решила, что Оттон превысил свои полномочия и сам отправил на Русь миссионеров, поэтому-то они и были изгнаны.⁸⁷

Хотя Н. Л. Пушкарева, вслед за Б. А. Рыбаковым, отвергла достоверность летописных рассказов о мести Ольги древлянам, деятельность княгини она оценила весьма высоко и воздала должное ее государственному уму и способностям: «Не меч, но мудрость и ум служили ей оружием в осуществлении этого замысла – создания империи Рюриковичей».⁸⁸

А. В. Назаренко попытался выяснить причины провала миссии Адалберта. Он предположил, что в конце 50-х гг. X в. отношения Ольги с Константином Багрянородным ухудшились (источник своих сведений исследователь не указал). Поэтому княгиня направила посольство к германскому императору Оттону с просьбой прислать католических священников для крещения Руси. Однако Адалберт задержался с поездкой, а когда приехал в Киев, международная ситуация изменилась – вместо умершего Константина на императорский престол возшел Роман, с которым у Ольги установились хорошие отношения. У Оттона, напротив, взаимоотношения с Византией ухудшились, поэтому его посланцев княгиня встретила прохладно, язычники же их просто изгнали.⁸⁹

Предположения А. В. Назаренко выглядят несколько надуманными, поскольку никаких доказательств того, что при Константине у Ольги были плохие отношения с Византией, а при его сыне стали хорошими, нет. Более того, в своем сочинении «О церемониях византийского двора», написанном в конце 50-х гг., Константин описал визит русской княгини как исключительно дружеский. Причиной провала миссии Адалберта, вероятнее всего, было нежелание Ольги поставить свою страну в зависимость от иностранного духовенства.

Достаточно высоко оценивал деятельность княгини Ольги А. П. Новосельцев. Он считал ее реформатором, осуществившим административно-налоговую реформу и отменившим грабительское и бесконтрольное полюдь. По его мнению, после смерти мужа и до 964 г. княгиня была полновластной хозяйкой в стране. Святослав довольствовался второй ролью: правил в Новгороде и совершал завоевательные походы. Заслугой Ольги Новосельцев считал резкое изменение внешней политики: прекращение военных походов на Византию и установление с ней добрососедских отношений, поездка в гости к императору и отправка военной помощи ему в лице варягов-наемников.⁹⁰

⁸⁷ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 18.

⁸⁸ Там же. С. 15.

⁸⁹ Назаренко А. В. Попытки крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 24.

⁹⁰ Новосельцев А. П., Сахаров А. Н. и др. История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996. С. 72.

Шесть золотых браслетов из клада, найденного в 1913 г. в усадьбе И.А. Сикорского. Датируются IX–X вв.

Совершенно иную точку зрения на личность княгини Ольги высказал Р. Г. Скрынников. Он полагал, что она никогда не была самостоятельной правительницей, за смерть Игоря отомстила не она, а воеводы Свенельд и Асмольд. Свидетельством самостоятельности, что Святослав, по мнению исследователя, явилась битва с древлянами, во время которой он пер-

вым бросил в них копьё.⁹¹ Скрынников решил, что в летописях почти нет достоверных фактов ни в описании мщения княгини древлянам, ни в сведениях о ее поездке в Константинополь, поскольку пожилая женщина не могла очаровать женатого императора. Чтобы объяснить, почему в сочинении Константина «О церемониях византийского двора» Ольга была названа языческим именем, историк предположил, что княгиня крестилась во вторую поездку в Константинополь при Романе.⁹² Однако об этой поездке ни в одном источнике нет сведений. К тому же Роман взошел на престол в 959 г., когда Ольга уже отправила посольство к Оттону для решения вопроса о крещении своих подданных, будучи сама христианкой.

В своем критическом отношении к Ольге Р. Г. Скрынников пошел настолько далеко, что даже решил, что она не проводила никаких реформ. Ее поездка по стране в 947 г. была простым сбором полюдья и закончилась во Пскове зимой, поэтому-то там и остались ее сани. Погосты, по его мнению, существовали и раньше и были местом торга и языческих святилищ.⁹³ Источник всех этих утверждений исследователь не указал. Ясно лишь одно – данным летописей они противоречат.

Большинство отечественных историков не поддержало точку зрения Скрынникова на деятельность Ольги. В недавно вышедшем учебнике для вузов А. Н. Сахаров вновь представил княгиню решительной, властной и дальновидной правительницей, сумевшей провести важнейшие для страны реформы (отмену полюдья и упорядочение сбора налогов) и поднять международный престиж Руси не с помощью военных походов, а путем мирных дипломатических контактов.⁹⁴

⁹¹ Скрынников Р. Г. История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 26.

⁹² Там же. С. 28.

⁹³ Там же. С. 30–31, 47.

⁹⁴ Сахаров А. Н., Морозова Л. Е., Рахматуллин М. А. История России с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2003. С. 61–64.

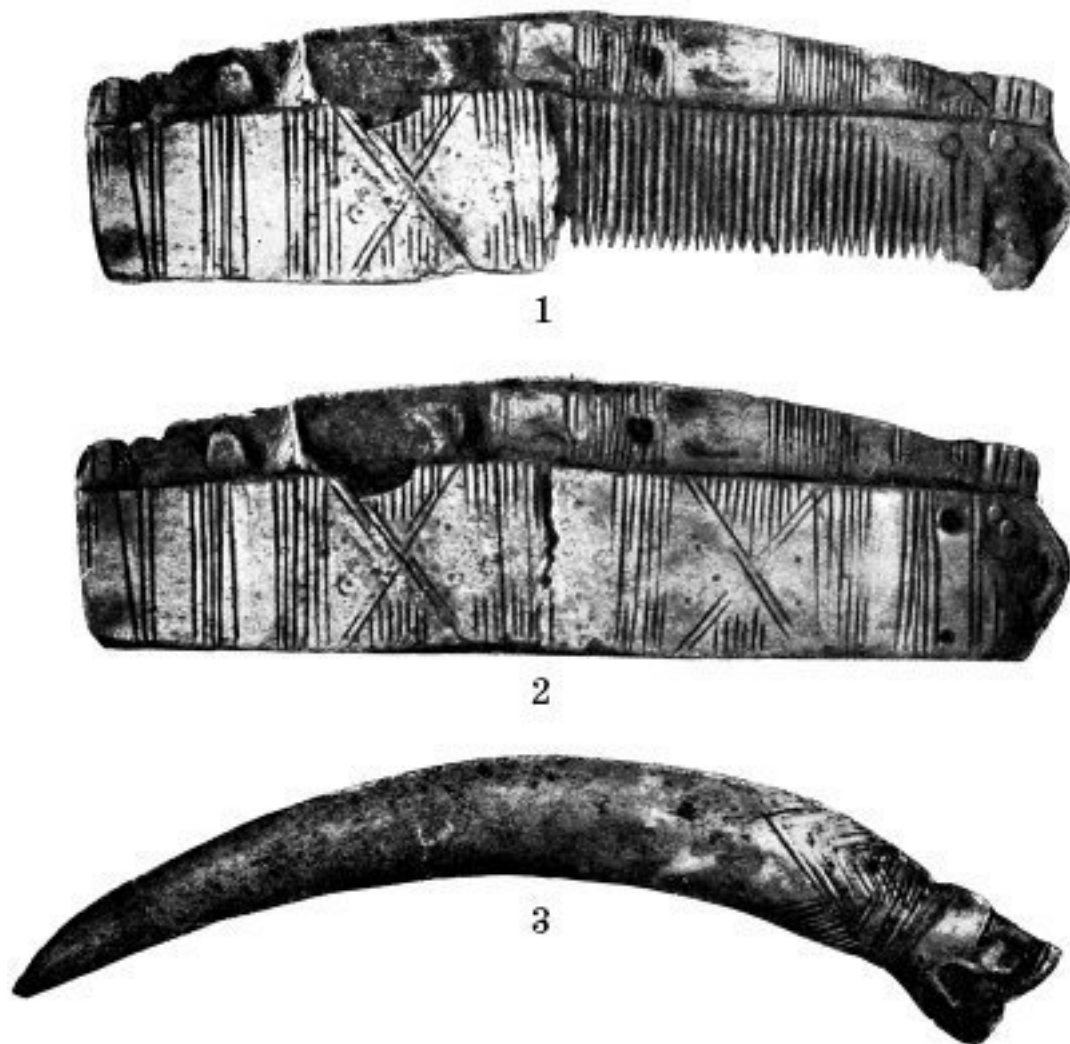

Погребальный инвентарь IX–X вв. Обнаружен в погребениях рядовых жителей Киева. Раскопки в усадьбе Десятинной церкви 1913 г. Киев. 1 – две пастовые бусы с инкрустациями; 2 – сердоликовые, пастовые и стеклянные бусы из ожерелья и подвеска-диргем; 3 – пастовые и стеклянные бусы из ожерелья.

Таким образом, подводя итог многолетнему изучению жизни и деятельности княгини Ольги, следует сделать вывод о том, что в отечественной историографии ей преимущественно дана очень высокая оценка как выдающейся государственной деятельнице. В то же время, из-за противоречивости и недосказанности сведений источников так и остались нерешенными следующие вопросы: происхождение и дата рождения Ольги, время появления на свет Святослава, была ли в реальности месть древлянам, правила ли княгиня самостоятельно и как долго,

в чем состояла суть ее реформ, когда и где она крестилась, когда, сколько раз и зачем ездила в Константинополь, каковы были взаимоотношения с другими странами, в частности с Византией и Германией, существовал ли проект крещения Руси католиками и почему провалилась миссия епископа Адальберта?⁹⁵

Естественно, что при существующей источниковой базе дать однозначный ответ на все эти вопросы нельзя. Можно лишь предложить новое толкование хорошо известных текстов. Эта попытка и предпринята в настоящей работе.

Погребальный инвентарь (IX–X вв.) рядового горожанина. Обнаружен в усадьбе Десятинной церкви. Раскопки 1913 г. Киев. 1, 2 – костяной гребень в футляре; 3 – костяное острие.

Прежде всего попытаемся решить вопрос о происхождении Ольги: кем были ее родители, где и когда родилась? В древнейших Лаврентьевской и Ипатьевской летописях по этому поводу сделана только такая запись: «В лето 641⁹⁶ Игореву же возрасташю, и хожаше по Олзе и слушаше его, и приведоша ему жену от Пскова именем Олгу».⁹⁷ Из нее ясно только одно – Ольга была псковичанкой и в 903 г. стала женой молодого князя Игоря. Никаких данных ни о ее происхождении, ни о возрасте здесь нет. Однако, исходя из косвенных соображений, можно

⁹⁵ Краткий обзор существующих в литературе споров по ряду этих вопросов представлен в кн.: Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 128–141.

⁹⁶ 903

⁹⁷ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 28.

предположить, что она была знатной славянкой. Во-первых, ее сын получил чисто славянское имя Святослав. Во-вторых, в договоре Игоря с греками от 944 г. есть не только имя самой Ольги, но и несколько других славянских имен, чего не было в договоре с греками князя Олега от 912 г.⁹⁸ Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В договоре имя Ольги стоит третьим – после имен мужа и сына-наследника. Это говорит о ее очень высоком положении, поскольку четвертым идет имя старшего племянника князя Игоря, тоже Игоря, видимо, сына старшей сестры.

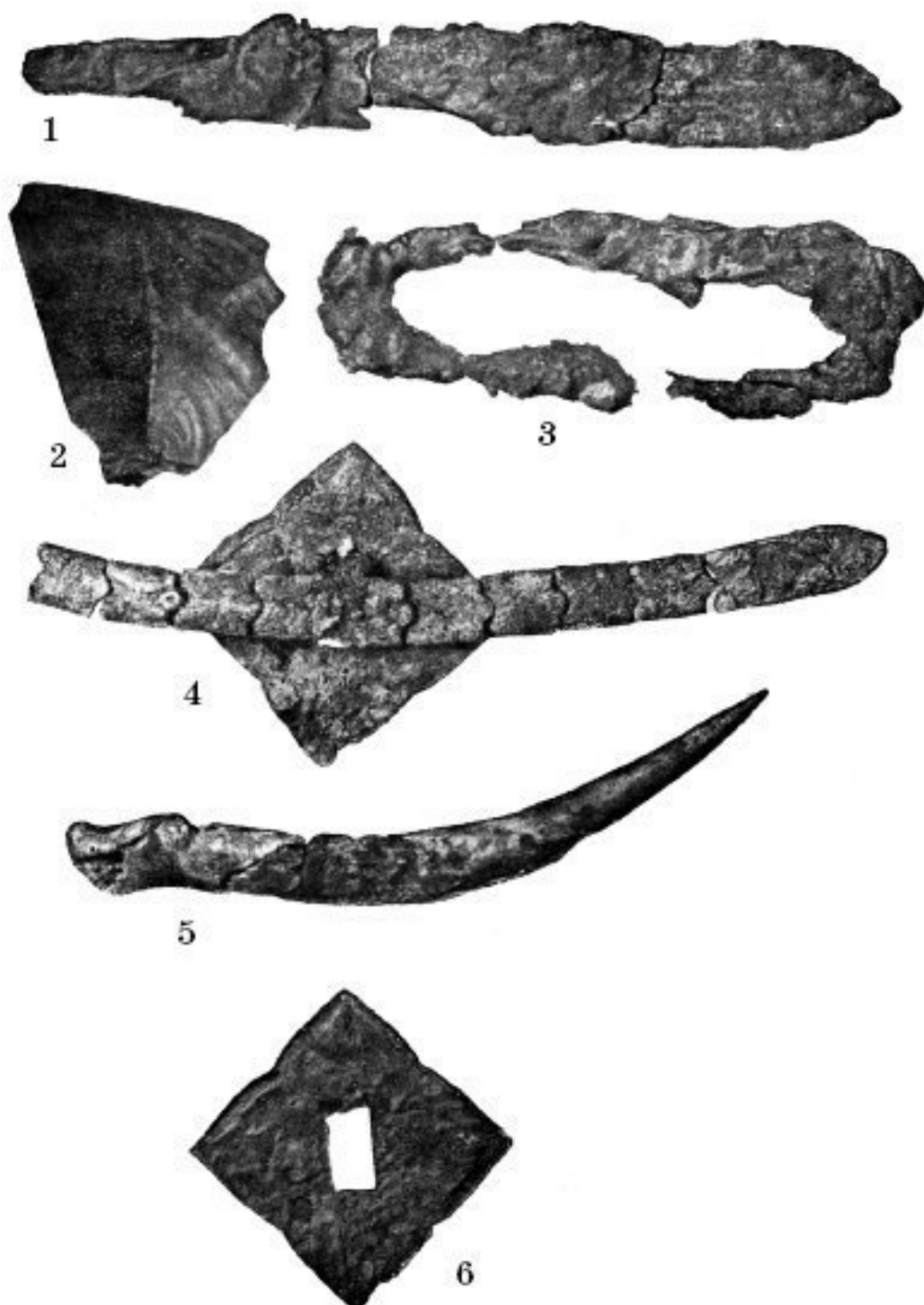
На переговорах с греками интересы Ольги представлял ее собственный посол Искусеви. Его имя представляется вполне славянским, производным от слова искусный или искушенный, т. е. опытный, мудрый, знающий.

После имени племянника Игоря, тоже Игоря, в договоре значатся два славянских имени, вызывающие большие споры у исследователей: Володислав и Передслава. Поскольку около них нет никаких пояснений о том, что они являются чьими-либо мужем и женой, то напрашивается предположение, что они являются близкими родственниками Ольги, например Володислав – брат, Передслава – сестра. Далее в тексте договора стоит имя Сфандры, жены Улеба. Улеб мог быть умершим дядей Игоря, Сфандра – его женой.

За именем Сфандры в договоре значатся имена Туредува, Арефаста, Сфирка и Акуна. Только у имени последнего есть уточнение, что он являлся еще одним племянником Игоря, очевидно сыном умершей младшей сестры. В противном случае ее имя тоже должно было быть в тексте договора. Напрашивается предположение, что Туредув, Арефаст и Сфирк также состояли в родстве с Игорем. Один из них мог быть мужем умершей старшей сестры, другой – младшей. Но могло быть и так, что все трое являлись сыновьями Улеба и Сфандры и были двоюродными братьями Игоря.

Из всех этих рассуждений можно сделать один вывод: в тексте договора Игоря с греками были перечислены его родственники. В числе них, вероятно, были и ближайшие родственники Ольги, носящие славянские имена: Володислав и Передслава. При дворе князя Игоря они занимали высокое положение, выше его собственных родственников по женской линии. Значит, они не были простолюдинами, а принадлежали к местной славянской знати.

⁹⁸ Там же. С. 45–46.

Погребальный инвентарь, обнаружен в погребении IX–X вв. рядового горожанина в усадьбе Десятинной церкви. Раскопки 1913 г. Киев. 1 – железный нож; 2, 3 – кремь и кресало; 4 – кожаный ремешок с бронзовыми бляшками; 5 – костяное острие; 6 – бронзовая ромбовидная бляха.

Из летописей известно, что Псков не подчинялся Рюрику и, очевидно, управлялся местными князьями. К их роду, видимо, и принадлежала Ольга, вместе с братом и сестрой. (Предслава, впрочем, могла быть и женой Володислава, но в договоре уточнений на этот счет нет.) Несомненно, что брак со славянской княжной был очень выгоден варяжскому князю, желавшему ассимилироваться среди местной знати.

Можно предположить, что после смерти Рюрика положение юного Игоря было сложным. Он ведь не мог защищать границы новгородцев и обеспечивать для них безопасность на торговых путях, как это делал его отец. Вместо него это стал делать его родственник Олег. Игорю же необходимо было упрочить свое положение на Руси с помощью женитьбы на местной знатной девушке. Псков был ближайшим крупным городом, поэтому именно там и стали искать невесту для молодого варяжского князя. Ею стала Ольга, видимо, имевшая сначала славянское имя, например Олена, как сообщено в Радзивилловской летописи.⁹⁹

Дата рождения Ольги неизвестна. Но, как уже отмечалось, в Софийской I летописи, созданной в начале XVI в., уточнено, что на момент замужества ей было «лет 10».¹⁰⁰ Откуда взял эти сведения поздний летописец, нам неизвестно. Возможно, данная информация явилась плодом его собственных подсчетов наиболее вероятного времени появления на свет Святослава, который на момент гибели отца был маленьким мальчиком.

Если считать, что в Софийской летописи достоверные данные, то получается, что Ольга родилась в 893 г. Игорю в это время было около 25 лет. Точной даты его рождения в летописях нет, но отмечено, что умирающий в 879 г. Рюрик передал крошечного сына на руки Олегу.¹⁰¹

Некоторые исследователи полагали, что на момент замужества Ольге должно было быть не меньше 13 лет, якобы таким был брачный возраст в то время. Однако хорошо известно, что по политическим соображениям браки заключались в любом возрасте, а брак Игоря и Ольги таким и был – невесту варяжскому князю привез его родственник Олег.

Сведения поздних источников, в частности Никоновской летописи и Степенной книги, о том, что до замужества Ольга была простолюдинкой и работала перевозчицей на псковской реке – не более чем поэтическая легенда, созданная книжниками XVI в. Многие из них писали под руководством митрополита Макария, желавшего создать сборники Житий русских святых для самого массового читателя, в том числе и для простых людей. Поэтическая легенда о происхождении княгини Ольги должна была их заинтересовать.

⁹⁹ Там же. С. 28. Вариант 29.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 39. Указ. изд. С. 11.

¹⁰¹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 22.

Общий вид погребения рядового горожанина (IX–X вв.). Обнаружено в усадьбе Десятинной церкви в 1913 г. Киев

В летописях практически нет никаких сведений о жизни Ольги в период замужества. Можно лишь предположить, что вместе с Игорем она находилась в Новгороде. Олег же в это время совершал завоевательные походы. Своей ставкой он сделал Киев – один из важных пунктов на пути «из варяг в греки». Здесь, видимо, взималась плата с купцов, едущих торговать в Константинополь и обратно, приносящая большой доход в княжескую казну. Кроме того, Киев стал для Олега главным опорным пунктом, из которого он совершал набеги на Византию.

Следует отметить, что в договорах Олега с греками не упоминаются ни Игорь, ни Ольга. В них единственным великим князем Русским назван Олег. В числе подчинявшихся ему городов нет Новгорода, а только Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк и Ростов.¹⁰² Это дает основание предположить, что Олег и Игорь правили на разных территориях отдельно друг от друга. Олегу подчинялись те земли, которые он сам захватил, Игорю – те, с которыми заключил договор его отец. Это земли словен, чуди, мери, веси и кривичей, которые со временем стали подчиняться новгородцам. Только после смерти, видимо, бездетного Олега, его владения отошли к Игорю, при этом древлян пришлось покорять вновь.¹⁰³

Во время военных походов мужа «на государстве» оставалась Ольга. Этот вывод можно сделать из того же договора с греками от 944 г. (по сообщениям летописей). Ведь ее имя стоит третьим, после мужа и сына. Но юный Святослав, естественно, сам править не мог. Несомненно, что в это время княгиня получила большой опыт по управлению страной. Как известно, тогда в задачу князя входило: обеспечивать безопасность подданных, разбирать

¹⁰² Там же. С. 30, 32.

¹⁰³ Там же. С. 41.

судебные тяжбы между ними и собирать с них налоги в свою пользу. Во времена Игоря налоги заменяло полюдье – сбор с подвластного населения мехов, продуктов, т. е. того, что князь считал необходимым для себя и дружинников. Согласно данным летописей, Игорь совершал военные походы в следующие годы: 914 – поход на древлян, 915 – Игорь встретил на границах своей страны печенегов и заключил с ними мир, 920 – воевал с печенегами, 941 – совершил неудачный поход на Константинополь, 944 – удачный поход на Константинополь, после которого достаточно долго продолжались переговоры о мире, заключенном-таки в следующем году. Все это время обязанности мужа должна была выполнять Ольга. Очевидно, что сбор полюдья удавался ей меньше всего. Поэтому вернувшиеся из греческого похода дружинники Игоря вдруг обнаружили, что воины из отряда воеводы Свенельда богаче их одеты и лучше экипированы. Пришлось Игорю самому отправиться к древлянам, жившим недалеко от Киева, чтобы удовлетворить запросы своих дружинников с помощью сбора полюдья. Но, как известно, эта поездка закончилась трагически – древляне с жестокостью расправились с Игорем.¹⁰⁴

Таким образом, можно предположить, что на момент гибели князя Игоря его жена Ольга уже имела определенный опыт управления страной.

Общий вид погребения рядового горожанина IX–X вв. Обнаружено в усадьбе Десятинной церкви в 1913 г. Киев

Одним из наиболее запутанных фактов в биографии Ольги является время рождения ею сына-наследника Святослава. В Лаврентьевской летописи на этот счет нет никаких данных и лишь отмечено, что в год смерти отца он был маленьким мальчиком, но у него уже был кормилец, т. е. воспитатель Асмуд.¹⁰⁵ Наличие у княжича воспитателя позволяет сделать предположение о его возрасте – 3–4 года, поскольку до этого возраста дети воспитывались под присмотром женщин из окружения матери.

В Ипатьевской летописи сообщено, что Святослав появился на свет в 942 г., когда болгарский царь Симеон совершил поход на хорватов.¹⁰⁶ Однако известно, что Симеон правил только до 927 г., поэтому никак не мог совершить поход в 942 г. Получается, что рождение

¹⁰⁴ Там же. С. 53–54.

¹⁰⁵ Там же. С. 54.

¹⁰⁶ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 28.

Святослава следует отнести к периоду до 927 г. В этом случае в 945 г. ему должно было быть не меньше 18 лет, т. е. он был совершенно взрослым человеком, способным отомстить за смерть отца и править самостоятельно. Однако, по сообщениям летописей, Святослав в это время был совсем маленьким мальчиком, едва способным удержать взрослое копье и бросить под ноги своего коня. Как уже отмечалось, подобной силой мальчик мог обладать в возрасте 7–8 лет.

Более точно определить дату рождения Святослава можно, исходя из приблизительной даты рождения у него самого старшего сына Ярополка: по сообщениям летописей в 970 г. тот начал самостоятельно править в Киеве, поскольку отец отправился в Болгарию. В это время княжичу должно было быть не меньше 16 лет – с этого возраста в то время подростки считались взрослыми. Значит он появился на свет в 954 г., когда Святославу должно было быть также не меньше 16–17 лет. Несложные подсчеты показывают, что годом рождения сына Ольги должен быть 937 или 936. Стало быть, в 945 г. ему как раз и было бы 7–8 лет. В этом случае Ольга должна была родить сына приблизительно в 45 лет, что считается вполне возможным. Для сравнения можно отметить, что великий князь Московский Василий II родился, когда его матери было приблизительно 44 г. Его старшие братья умерли еще при жизни отца, поэтому престол достался именно ему. Аналогичной могла быть ситуация и в семье Игоря с Ольгой. Кроме того, до Святослава у них могли быть дочери, которых выдали замуж за европейских правителей. Исследователи неоднократно встречали в европейских хрониках глухие известия о славянских княжнах, женах некоторых королей. К примеру, известно, что первой женой немецкого короля, а потом и императора Оттона I была знатная славянка, родившая в 929 г. сына Вильгельма, который в 25 лет стал архиепископом Майнцким. Если предположить, что женой Оттона была рано умершая старшая дочь Ольги, то тогда будет понятно, почему в 959 г. княгиня отправила посольство именно к нему. Желая крестить свою страну, она, возможно, рассчитывала на помощь бывшего зятя и внука, но те, как известно, не оправдали ее надежд.

Интересно отметить, что, согласно сообщенным в «Продолжении хроники Регинона» данным, Адальберт был отправлен на Русь именно Вильгельмом Майнцским, которому было поручено заниматься вопросом отправки миссионеров к княгине Ольге.¹⁰⁷

На вероятность того, что дочь Ольги была первой женой Оттона I, указывает и предположение исследователей о том, что женой старшего сына Святослава Ярополка была внучка Оттона I.¹⁰⁸

В те времена представители различных европейских династий любили многократно родниться друг с другом. Примером могут быть многочисленные браки между семьями киевских князей и польских и венгерских королей в XI—XII вв.

Кроме того, вполне вероятно предположение о наличии у Ольги и Игоря старшего сына, названного в честь опекуна и свата Олега также Олегом.¹⁰⁹ Именно о нем, возможно, содержались сведения в Кембриджском документе, который вызывает много споров среди исследователей. Если считать, что в то время Русь отнюдь не была единым государством и состояла из двух частей – племенного союза словен, кривичей, веси, мери и чуди на северо-западе и отво-еванной у хазар южной части, то в ней вполне могли быть два правителя: Игорь, по договору со старейшинами, возглавлял племенной союз, а его старший сын властвовал на юге, постоянно совершая новые завоевательные походы. Поскольку второй Олег, согласно данным Кембриджского документа, погиб еще при жизни отца, то автор Начального свода мог вообще ничего о нем не сообщать. Ведь его целью было показать преемственность власти внутри княжеского рода.

¹⁰⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 304.

¹⁰⁸ Там же. С. 308–312.

¹⁰⁹ Вернадский Г.В. Киевская Русь, Тверь, 1996. С. 41.

Таким образом, представляется, что в позднем появлении у Ольги сына Святослава ничего необычного не было. У княгини могли быть и другие дети до него, например дочери, рано вышедшие замуж. Предположительно годами рождения Святослава можно считать 936 или 937 г. В летописях они оставлены пустыми, поскольку писавший во второй половине XI в. летописец вряд ли имел четкое представление о событиях этого времени. Основными его источниками, скорее всего, были рассказы старожилов, которые плохо помнили даты.

При князе Игоре, как отмечалось, в общей иерархии знати Ольга занимала очень высокое место, выше были только муж и сын. Все остальные родственники, даже мужского пола, были ниже. Однако после гибели Игоря от рук древлян все могло измениться. Ведь юный Святослав был неспособен водить в бой дружину, собирать полюдье, разбирать судебные тяжбы, т. е. выполнять функции правителя. За него это должен был делать какой-либо опекун из числа взрослых родственников или видных военачальников Игоря. В этом случае положение Ольги могло измениться в худшую сторону – она становилась всего лишь матерью не имевшего власти княжича.

Однако, как известно из летописей, княгиня решила сама стать соправительницей сына. Но для этого ей необходимо было показать свою силу, твердый характер, способность водить дружину и управлять подданными. Все это она могла продемонстрировать во время мести древлянам за убийство мужа. Если бы она это не сделала, то не только потеряла бы власть, но и страну. Киевляне и дружинники не стали бы подчиняться слабой женщине с маленьким ребенком на руках, древляне провозгласили бы себя независимым княжеством, их примеру последовали бы и другие племена. В итоге Древнерусское государство развалилось бы на составные части, а в Киеве вспыхнула бы ожесточенная борьба за власть между родственниками Игоря и ведущими полководцами.

Погребальный инвентарь из погребений рядовых горожан IX–X вв. Обнаружен в усадьбе Десятинной церкви в 1913 г. Киев. 1 – стеклянные, сердоликовые, хрустальные, янтарные и серебряные с зернью бусы, два серебряных височных кольца, трехбусинная серьга, пластичный серебряный перстень; 2 – стеклянные, сердоликовая, хрустальная и пастовая бусы; 3 – стеклянные бусы; 4 – стеклянные и сердоликовые бусы.

Сложная ситуация, в которой оказалась Ольга после смерти князя Игоря, заставила ее быть хитрой, изворотливой, отважной и даже жестокой. Ведь ей приходилось защищать не только права на власть свои и сына, но и жизнь обоих. Победитель междоусобицы непременно расправился бы с ними.

Некоторые исследователи, как уже отмечалось, отрицали достоверность летописных рассказов о мести Ольги древлянам. По их мнению, женщина не могла быть такой мстительной и кровожадной. Однако стать такой Ольгу заставили сами древляне, убившие ее мужа с невероятной жестокостью. По сообщению византийского историка Льва Диакона, Игоря привязали за руки и за ноги к двум склоненным деревьям и отпустили их. В итоге князь был буквально разорван пополам. После этого его останки без всяких почестей были зарыты в землю.¹¹⁰ Известие о бесславной гибели мужа, принесенное древлянскими послами, желавшими сосватать ее за своего князя Мала, не могло не вызвать глухую ярость в сердце Ольги. На наглую демонстрацию силы и жестокости она должна была ответить еще большей жестокостью, но не сразу и не демонстративно, поскольку она не была уверена в поддержке киевлян и дружины мужа. Поэтому первое древлянское посольство было принято в загородном дворце Ольги и уничтожено так, что и следов от него не осталось.

Ольге было важно все проделать тихо и тайно, чтобы в Древлянской земле ничего не узнали о гибели послов. Для усыпления бдительности Мала она тут же отправляет к нему свое посольство, которое сообщает ему о ее согласии стать его женой. Но при этом тот должен выполнить следующие условия: прислать более пышное посольство, состоящее из самых знатных людей, и организовать достойные похороны князя Игоря. Поскольку в этих просьбах ничего необычного не было, Мал с готовностью их исполняет. Таким образом, Ольга получает возможность расправиться со всей древлянской знатью: часть перебили в составе второго посольства, остальных – во время поминальной трапезы по Игорю. В их числе, вероятно, был и сам Мал, поскольку его имя больше в летописях не упоминалось.

¹¹⁰ Лев Диакон. История. Кн. 6. СПб., 1820. С. 66.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребении IX–X вв. рядового горожанина. Раскопки в усадьбе Успенского собора 1913 г. Киев. 1 – стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы; 2, 3 – подвески-диргеми; 4 – восемь височных колец с несомкнутыми концами.

Следует отметить, что во время первой поездки в Древлянскую землю с небольшим окружением Ольга очень рисковала. Ведь если бы кто-то проговорился Малу о ее жестокой расправе с древлянскими посольствами, ей грозила бы смерть. Но княгиня продемонстрировала всем невероятную отвагу, хитрость и выдержку. Видимо, поэтому никто не решился ее предать.

Победительницей вернулась Ольга в Киев. Своими собственными малыми силами она смогла отомстить убийцам мужа и существенно подорвать мощь восставших древлян. Естественно, что в этих условиях дружинники Игоря полностью поддержали княгиню, согласились встать под ее знамена, чтобы нанести древлянам окончательный удар. Хотя маленький Святослав мог не участвовать в походе, Ольга, видимо, взяла его специально, чтобы дружинники видели своего будущего полководца. При этом она и сама едет, чтобы держать под контролем все происходящее.

Первый же бой с древлянами, как известно, закончился их полным разгромом. Но потом Ольге пришлось достаточно долго осаждать столицу Искоростень. Взята она была только при помощи хитрого приема – поджога с использованием птиц. Некоторые историки решили, что в реальности такой способ поджога города невозможен – птицы не полетят в свои гнезда с привязанным к ним горящим трупом. Однако еще Н. М. Карамзин нашел в одной европейской хронике повествование о том, как будущий зять Ярослава Мудрого Харальд применил подобную хитрость при взятии сицилийского города.¹¹¹ (Ныне этот источник переведен и опубликован.¹¹²) Значит, подобный прием был хорошо известен в то время и достаточно эффективен.

¹¹¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 269.

¹¹² Рыдзиевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX—X вв. М. 1978. С. 55–56.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребениях IX–X вв. рядовых жителей Киева. Раскопки 1937 г. в районе Художественной школы. 1 – сердоликовые, стеклянные, пастовые и серебряные бусы, серебряная лунница и височное кольцо с завязанными концами; 2 – серебряное височное колечко и железные гвозди от гробовища.

Н. М. Карамзин, желая убедиться в том, что поход Ольги на Искоростень был в действительности, отправился на Украину для поиска места, где он мог находиться. На Волыни, около р. Уша, он обнаружил остатки древнего городища с земляными валами и проездными воротами. Рядом располагались деревенька Шатрицы, которая, по мнению ученого, получила свое название от места стоянки войска Ольги.¹¹³

¹¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 269.

Доказательством реальности похода Ольги на древлян может служить тот факт, что это племя вновь стало подчиняться киевским князьям. Искоростень после сожжения, видимо, запустел, так как новой столицей стал город Овруч. Туда в 970 г. Святослав отправил на княжение своего младшего сына Олега, поскольку местная княжеская династия, очевидно, прекратила свое существование.

Следует отметить, что для автора Начального свода, писавшего во второй половине XI в., время правления Ольги было не таким уж далеким прошлым – каких-то 100 лет назад. В молодости он даже мог быть знаком с людьми из окружения княгини. Поэтому он точно указал, где был терем Ольги, где находилась пристань, к которой приставали древлянские послы, где была могила князя Игоря.¹¹⁴ Несомненно, что все сведения об Ольге он узнал от старожилов, хорошо запомнивших яркие эпизоды, но путавшихся в датах, которые обычно быстро забываются.

Все это говорит о том, что в летописном рассказе о мести Ольги древлянам нет ничего нереального и легендарного. Данные события, несомненно, были в действительности, поскольку без них княгине не удалось бы удержать власть в своих руках и стать соправительницей малолетнего сына.

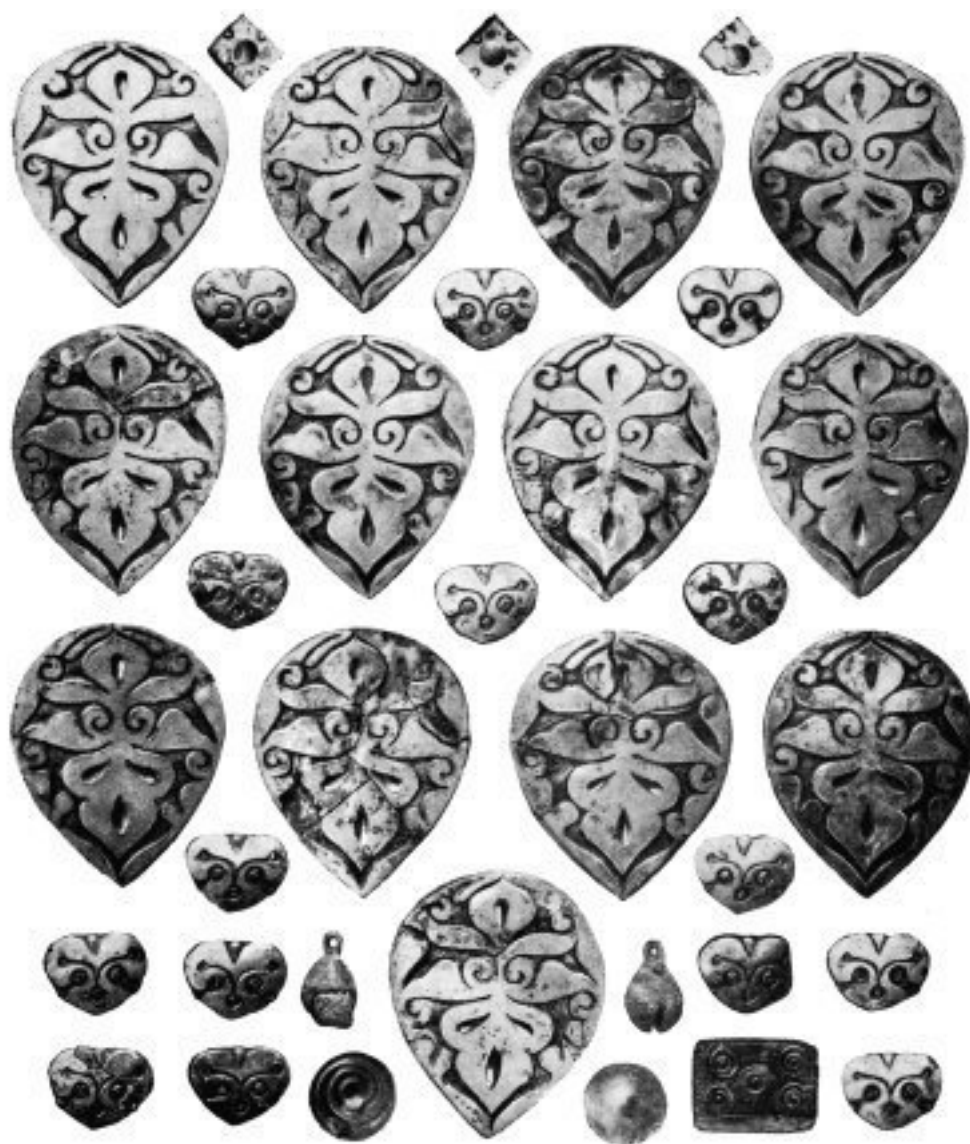
Реальными следует считать и сведения летописей о проведенных Ольгой реформах налогообложения. Убийство Игоря древлянами показало, что в этом вопросе много недостатков. Произвольный сбор полюдья мог привести к новому выражению недовольства подданных. Сначала княгиня определила размер дани, которую должны были платить древляне. Две трети ее отправлялись в Киев на содержание дружины, обеспечивающей безопасность границ и сопровождавшей в Византию караванов купцов. Одна треть шла непосредственно в казну Ольги, которая, очевидно, находилась в принадлежащем ей Вышгороде. Кроме того, древляне должны были выполнять общегосударственные повинности, определяемые уставами и уроками. Например, сооружать мосты через топи и небольшие речки во время поездок через их территорию княгини или ее людей. Там же Ольга наметила места своих стоянок и охотничьих угодий.¹¹⁵

В следующем году, 947, Ольга отправилась в Новгород. Там на окраинах новгородских владений по рекам Мста и Луга она наметила места, куда следовало привозить дань, четко определив ее размер. Там же особыми знаками она выделила места для своей охоты, рыбной ловли и отстрела дичи.¹¹⁶ Все это было сделано для предотвращения конфликтов с местным населением.

¹¹⁴ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 54.

¹¹⁵ Там же. С. 58.

¹¹⁶ Там же. С. 59.

Серебряные бляхи, стеклянные шайки, игральная кость, бубенчики. Обнаружены в погребении IX–X вв. знатного дружинника с конем. Раскопки 1990 г. в усадьбе Фурмана. Киев

Летописец пишет, что и через 100 лет можно обнаружить следы деятельности Ольги: сани, особые знаки, отмечающие на Днепре и Десне места, где для нее ловили дичь, рыбу; сохранило свое название и принадлежащее ей село¹¹⁷ Будутино.

Несомненно, что личные доходы княгини Ольги были весьма значительными. На что же она их тратила? Об этом можно только догадываться. В Вышгороде, вероятно, существовала прекрасно отстроенная резиденция с красивыми жилыми помещениями и обширными хозяйственными постройками. В них хранились большие запасы зерна, круп, овощей, заготовленных впрок рыбы, мяса, молочных продуктов, а также всевозможные напитки, включая привозимое из Византии вино.

В распоряжении княгини была личная дружина и множество прислужников и прислужниц. Можно предположить, что Ольга окружала себя молодыми и привлекательными людьми, как это всегда делали русские государи. Всех их она стремилась красиво одевать, чтобы в глазах иностранных гостей ее свита выглядела особенно пышно. В итоге, одна из Ольгиных при-

¹¹⁷ Там же. С. 58–59.

служниц, ключница Малуша, очень приглянулась княжичу Святославу, вероятно, уже имевшему жену и двух сыновей. Результатом связи стало рождение сына, названного Владимиром. В древнейших летописях ничего не сообщено о дальнейшей судьбе любовницы Святослава. В поздней Никоновской летописи есть данные о том, что Ольга разгневалась на прислужницу и сослала ее в свое псковское село Будутино.¹¹⁸ Однако Владимира она признала внуком и стала воспитывать наравне с законными сыновьями Святослава, Ярополком и Олегом. Об этом известно из сообщений летописей о том, что в 968 г. княгиня вместе с тремя внуками оказалась в осажденном печенегами Киеве.¹¹⁹

Вполне вероятно, что у Ольги был свой двор и в родном Пскове. Несомненно, княжеский дворец был и на Городище близ Новгорода. Но поскольку он был деревянным и в дальнейшем многократно перестраивался потомками Ольги., его остатки не сохранились. В этом отношении больше повезло киевским дворцам княгини – каменным. Их фундаменты археологи обнаружили в ходе раскопок еще в XIX в. Результаты многолетней работы были обобщены в фундаментальной двухтомной монографии М. К. Картера «Древний Киев», где ученый отметил, что только в середине X в. три разрозненных небольших поселения, существовавших на территории Киева, начали соединяться в единое целое. Центром их стала княжеская резиденция на Андреевой горе, которая по площади была даже меньше небольшого Владимирова городка – резиденции Владимира I.

Кольцевая серебряная фибула. Обнаружена в погребении IX–X вв. знатного дружинника с конем. Раскопки 1990 г. в усадьбе Фурмана. Киев

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 9–10. М., 1965. С. 35.

¹¹⁹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 64.

В центре резиденции Игоря, Ольги и Святослава находилось языческое капище, сложенное из камней. По форме оно напоминало окружность с четырьмя выступами. Как оно выглядело в реальности, археологи не смогли понять.¹²⁰

Следуя указаниям летописей, археологи обнаружили два каменных дворца Ольги: один на городище, другой – загородный. Первый представлял собой внушительную постройку с толщиной стен у фундамента 1,5 м, длиной 18 м, ширину постройки определить не удалось.¹²¹

¹²⁰ Каргер М. Н. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 107–111.

¹²¹ Там же. С. 264–265.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.